

МАСТЕРИЦА ВАРИТЬ КАШУ.

ПАСТОРАЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ 1).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агнеса Растиславовна Карелина, урожденная Серпухова, богатая и красивая вдова 28 лѣтъ.

Андрей Дементьевичъ Городищевъ, управляющій Карелиной. Дженгльменъ 29 лѣтъ.

Сидоръ Ивановъ Иннокентіевъ, бібліотекарь Карелиной, 57 лѣтъ.

Иванъ Саввичъ Румянцевъ, писарь Городищева 24 лѣтъ.

Надя, горничная Карелиной 22 лѣтъ.

Платонъ Алексѣичъ Клементьевъ, человѣкъ безъ особеннаго званія и состоянія 27 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ около 1856 г. на очень скромной, почти бѣдной дачѣ не подалеку отъ Москвы.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Сцена—маленькій залъ, меблированный съ идиллической простотою).

ЯВЛЕНІЕ I.

Надя (шьетъ), Клементьевъ (тихо входитъ, останавливается подлѣ двери, молча ждетъ, покуда Надя замѣтитъ его. Но она шьетъ, не поднимая глазъ).

Клементьевъ. Надежда Всеволодовна!

Надя (*слегка вздрагиваетъ; дружески и съ упрекомъ*) Платонъ Алексѣичъ! Вы! Какъ вы здѣсь! (*Между тѣмъ онъ подходитъ къ ней и протягиваетъ ей руку. Она беретъ ее.*)

1) Названіе этой пьесы подвергалось многочисленнымъ измѣненіямъ. На первой страницѣ рукописи перечеркнуты слѣдующіе варианты:

1. Размазня и кашеваръ.
2. Тихе ѣдешь, дальше будешь. Пастораль въ трехъ дѣйствіяхъ.
3. Тихе ѣдешь, дальше будешь, или кто тутъ варить кашу?
4. Вареніе каши, пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прибавленіемъ драмы—Тихе ѣдешь, дальше будешь, также въ одномъ дѣйствіи.
5. Вареніе каши, пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прибавленіемъ драмы—Плоды народной мудрости, также пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прекрасною пѣсней рыбака.
6. Вареніе каши, пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прибавленіемъ драмы также въ одномъ дѣйствіи—Тихе ѣдешь, дальше будешь или Плоды народной мудрости, съ преподаваніемъ всѣхъ полезныхъ наукъ.
7. Мастерница варить кашу. Женнихъ изъ Америки. Пастораль въ одномъ дѣйствіи.

Клементьевъ. Я прїѣхалъ чтобы опять поговорить съ вами.

Надя. Боже мой, да вы смѣтаетесь!

Клементьевъ. Нѣтъ, Надежда Всеволодовна.

Надя. Господи, — да какъ же это можно! Въ пять лѣтъ, чтобы молодой чело-
вѣкъ не забылъ! Ни за что не повѣрю! Особенно, когда и въ то время вы не
могли думать этого серьезно.

Клементьевъ. Вы не могли тогда понимать серьезно, вы были слишкомъ мо-
лоды, а теперь я хочу требовать рѣшительнаго отвѣта. — Вы еще никому не дали
слова? Да сядемъ же (*салятся*). Другъ мой, Наденька, ты еще никого не любишь,
тебѣ некого полюбить кромѣ меня, — ты будешь любить меня?

Надя (*молчитъ — принимается шить*).

Клементьевъ. Наденька, милая моя, единственная моя милая. — Кому полю-
бить тебя, кромѣ меня — полюби меня, моя добрая, ненаглядная (*беретъ ее за
руку*).

Надя (*вырывая руку*) Стыдно вамъ, грѣхъ вамъ, Платонъ Алексѣичъ, об-
нимать честную дѣвушку (*закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

Клементьевъ. Наденька, пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ — и ты осталась
прежня! (*Это съ сожалѣніемъ и тихимъ упрекомъ*).

Надя (*по прежнему*) И вы не перемѣнились! Какъ тогда хотѣли обольстить
меня, такъ и теперь!

Клементьевъ. Наденька, не ко мнѣ, а къ тебѣ идутъ слова: не стыдно ли, не
грѣхъ ли тебѣ обижать меня.

Надя (*тверже прежняю*) Нѣтъ. Я не обижаю васъ, Платонъ Алексѣичъ.
Я только думаю о васъ правду.

Клементьевъ. Тогда я хотѣлъ обольстить васъ, Наденька! Когда жъ? Когда
бывало, по дѣтской рѣзвости, вы подбѣжите, и поцѣлуете меня, а я скажу: не хо-
тите вѣнчаться со мною, то не хочу и цаловать васъ, — бывало ли такъ, Надень-
ка, или нѣтъ?

Надя (*молчитъ*).

Клементьевъ. То было ли хоть разъ, что я заигрывалъ съ вами? Какъ же
это въ то время я обольщалъ васъ? А теперь? Или за границую мало дѣвушекъ,
некого было обольщать? Если бы мои мысли были объ этомъ, некогда было бы
мнѣ и вспомнить про васъ, разстаться съ тою жизнью, чтобы ѣхать сюда. Тамъ
лучше жить, нежели у насъ. Вы сама, Наденька, можете понимать это. Вы видите,
самыя лучшія вещи, какія у насъ есть, ѣдутъ къ намъ изъ-за границы. Зачѣмъ
же бы мнѣ ѣхать назадъ, если бы вы не были для меня милѣе всего на свѣтѣ?

Надя (*подпирается лицомъ на руки и сидитъ задумавшись, молча*).

Клементьевъ. Что же вы скажете, Наденька, — все-таки я только обманываю
васъ?

Надя (*молчитъ*).

Клементьевъ (*жметъ ее руку, оставляя эту руку въ прежнемъ положе-
ннн, какъ она подпираетъ лицо*). Что же, Наденька: обманываю?

Надя (*опять закрывая лицо, но теперь не съ рыданіемъ, а только
хрустно*) Я не знаю, что мнѣ думать, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Какъ вамъ кажется, Наденька: то, что я говорилъ вамъ?

Надя. Въ этомъ я не сомнѣваюсь, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. И все таки я обольщаю васъ?

Надя. Можетъ быть, и обольщаете. Должно быть, что обольщаете.

Клементьевъ. Какъ же это сойдется одно съ другимъ: я говорю отъ чистаго сердца, и обольщаю.

Надя. Вотъ какъ, Платонъ Алексѣичъ: вы думаете, что это такъ будетъ, а этого не можетъ быть, потому этого и не будетъ.

Клементьевъ. Чего не будетъ? Чтобы мы повѣнчались? Когда я одно только и говорю вамъ: повѣнчаемся.

Надя. Я не сомнѣваюсь, вы честный человекъ, Платонъ Алексѣичъ. Я не умѣю говорить. Я сказала такъ, что мои слова вышли напрасной обидою для васъ. Не то, что невозможно, чтобы вы повѣнчались со мною, — а только, это не хорошо.

Клементьевъ. Почему же не хорошо.

Надя. Вы дворянинъ, Платонъ Алексѣичъ, а я мѣщанка.

Клементьевъ. Повѣнчаемся, и вы будете дворянка.

Надя. Этого не переимѣнить никакой сватьбою, своего происхожденія, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Ваша правда, Наденька. Но умнымъ людямъ нѣтъ дѣла до того чья кто дочь, — они смотрятъ на то, какая у нея душа.

Надя. У мѣщанки и душа мѣщанская, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Это какъ, Наденька? Помилуйте, вы говорите Богъ знаетъ что такое.

Надя. Это правда, Платонъ Алексѣичъ, я сказала глупо, потому, что не умѣю говорить, какъ должно. Душа у мѣщанки разумѣется такая же, — не въ душѣ разница, конечно, а въ мысляхъ, въ понятіяхъ, въ разговорѣ, въ поступкахъ. У мѣщанки все это мѣщанское, не благородное. О чемъ мои мысли? Какъ угодить Агнесѣ Ростиславовнѣ. У барышни нѣтъ такихъ мыслей.

Клементьевъ. Точно: вы думаете о томъ, какъ исполнять свои обязанности, а барышня о томъ, какъ вертопрашничать. Вы о дѣлѣ, а она о бездѣлѣ. Разница большая, только не въ выгоду барышни.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ, въ выгоду. У нея мысли свободныя, а у меня рабскія. И понятія у нея поэтому хотя бы и пустыя, а все лучше моихъ, потому, что у меня понятія подлыя.

Клементьевъ. Наденька, побойтесь же Бога. Что говорите? Я человекъ смиренный, вы знаете; но вы меня выводите изъ терпѣнія, — разсержусь. У васъ подлыя понятія! Что вы это? Помилуйте!

Надя (*улыбается*). Въ самомъ дѣлѣ, какая у васъ привязанность ко мнѣ, Платонъ Алексѣичъ! Если бы только было можно, ей Богу, слѣдовало бы мнѣ идти за васъ. (*Переходя къ серьезности*) Разумѣется не найдется другого человека такого добраго ко мнѣ. Только этому не слѣдуетъ быть, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Подумайте хорошенько, и увидите, что слѣдуетъ.

Надя. Какая же я вамъ жена, какая подруга жизни? Видите, я и говорить съ вами не умѣю. А куда же годилась бы я въ благородномъ обществѣ? Для горничной держу себя хорошо, а благородною дамою, что была бы я? Посмѣшище для всѣхъ. Что шагъ ступлю, что взгляну — все не по благородному. Манеръ нѣтъ, поступки не тѣ, разговоръ не такой, какъ требуется въ хорошемъ обществѣ.

Клементьевъ. Что намъ требованія общества? Были бы мы хороши другъ для друга, и довольно.

Надя. Не совсѣмъ довольно, Платонъ Алексѣичъ. Для мужа не можетъ быть пріятно, когда его жена посмѣшище для всѣхъ, — да и для нея-то самой не легко переносить, если изъ-за нея всѣ смѣются надъ мужемъ, осуждаютъ его, жалѣютъ.

Клементьевъ. Пустяки, Наденька.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Ну, если бы и нѣтъ, этой бѣдѣ не мудрено помочь. Возьмете нѣсколько уроковъ у какой нибудь доброй, молодой дамы изъ знакомыхъ, какія тогда будутъ у васъ, — выучитесь ходить, и глядѣть по свѣтски — наука не трудная, повѣрьте.

Надя. Положимъ, что я и повѣрю вамъ, что манеры — это пустое. Но то не пустое, о чемъ вы не дали говорить, Платонъ Алексѣичъ: какія понятія у человѣка. Благородная, если у нея есть совѣсть, обо всемъ судить по своей совѣсти, что хорошо, что худо. А у меня, Платонъ Алексѣичъ, вмѣсто совѣсти — госпожа. Что хвалить Агнеса Ростиславовна, то и хорошо; какъ же это не рабскія понятія, не подлѣя? Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ, вамъ не годится такъ меня любить. Не могу я согласиться на то, въ чемъ вы стали бы потомъ раскаяват... *(взглядываетъ и прислушивается)* Кто-то идетъ, — а у меня глаза заплаканные, — увидятъ, будутъ спрашивать! *(Между тѣмъ встаетъ)* Уйду. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Клементьевъ. Входитъ Городищевъ.

Городищевъ *(входя)* Гдѣ ты, Надень... *(обрываетъ рѣчь видя Клементьева)*
Monsieur, je suis tout étonné...

Клементьевъ *(протягивая ему руку)* Опасаетесь, не хочу ли я волочиться за Агнесою Ростиславовною? Да я и въ то время не думалъ. Напрасно подозрѣвали.

Городищевъ *(кашляетъ принужденно, и смотритъ дипломатически)* Да... но... Впрочемъ... Какъ честный человѣкъ, я понимаю васъ, Клементьевъ, и вѣрю вамъ. Послѣ объ этомъ. Прежде всего я долженъ исполнить порученіе, которое мнѣ дала Агнеса Ростиславовна, исполненія котораго она ждетъ. *(Оборачиваясь къ двери, промолв)* Наденька, пойдѣ сюда.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже. Надя.

Городищевъ *(милостиво)* Агнеса Ростиславовна присылаетъ тебѣ, Наденька, приказаніе, и подарокъ. Вотъ подарокъ *(вынимаетъ изъ бокового кармана бумажку, развертываетъ и протягиваетъ въ сторону, идѣ у дверей стоитъ Надя)* Конфетка, — и какъ видишь *(Надя между тѣмъ подходитъ взять)* откушенная, — это откушено самою Агнесою Ростиславовною *(все чувствительнѣе и внимательнѣе)* Ты понимаешь Наденька: она даритъ тебѣ ту самую конфетку, которую кушала сама.

Надя (*беретъ*) Покорно благодарю, Андрей Дементьичъ. (*Отходитъ на прежнее мѣсто*).

Городищевъ. Мнѣ нравится твое чувство, Наденька. Но положи въ ротъ эту конфетку, и будетъ сладко. Что-же ты не ѣшь?

Надя. До обѣда не стану ѣсть ея, Андрей Дементьичъ. Съѣмъ послѣ обѣда.

Городищевъ (*слегка приложивъ руку ко лбу*) Да, это сообразно съ правилами дѣтетики. (*Отнимая руку ото лба*) Я одобряю твою мысль, Наденька (*едва договариваетъ, торопливо хватаясь опять за лобъ — молчитъ. По размышленіи, опуская руку*) Я нашелъ средство примирить ея интересы. Видишь ли, милая Надя. Какое затрудненіе представилось мнѣ. Что, если Агнеса Ростиславовна спроситъ меня, понравилась ли тебѣ конфетка? Какъ сказать ей, что ты еще не съѣла. Быть можетъ, она была бы огорчена мыслью, что ты не спѣшила воспользоваться ея подаркомъ. Я не хочу стѣснять твои намѣренія, Наденька, не хочу мѣшать твоимъ дѣтетическимъ удобствамъ. Но еще менѣ могу я допустить огорченіе до сердца Агнесы Ростиславовны. И такъ, не принуждаю тебя съѣсть эту конфетку сейчасъ же; но скажу Агнесѣ Ростиславовнѣ, что она уже съѣдена тобою. Ты понимаешь меня, милая Надя? Скажи, какъ ты понимаешь мою мысль?

Надя. Это значитъ, если Агнеса Ростиславовна спроситъ меня о конфеткѣ, я должна сказать ей, что я уже ее съѣла.

Городищевъ. Именно такъ, милая Надя. (*Къ Клементьеву, дипломатически улыбаясь*) Вамъ быть можетъ кажется, что я мелочень въ моихъ предосторожностяхъ. Но прошу васъ вспомнить, какъ деликатны чувства Агнесы Ростиславовны, и вы согласитесь, что вопросъ, по видимому довольно индифферентный, можетъ имѣть свою важность для человѣка, который обязанъ отвращать всякія огорченія отъ этого ангельскаго сердца.

Клементьевъ. Агнеса Ростиславовна добрая женщина, согласенъ; согласенъ и въ томъ, что она всегда была сантиментальна до смѣшн...

Городищевъ (*хватая его за руку*) Ради Бога! (*Надѣ*) Оставь насъ однихъ. Черезъ минуту я позову тебя. (*Надя уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Городищевъ, Клементьевъ.

Городищевъ (*съ деликатнымъ упрекомъ*) Клементьевъ, можно ли такъ говорить при Надѣ? Развитый умъ знаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свои недостатки, или слабости, и видя ихъ, не перестаетъ цѣнить то, что есть прекраснаго и возвышеннаго. Но для грубаго простонароднаго воззрѣнія нѣтъ середины между слѣпымъ обожаніемъ и кощунствомъ. Чтобы остаться хорошо служанкою, Надя должна видѣть въ Агнесѣ Ростиславовнѣ идеаль совершенства. Это *conditio sine qua non*. Наше отношеніе къ вопросу можетъ быть иное, я не отвергаю того, и буду говорить съ вами откровенно. Вы хотите сказать, что Агнеса Ростиславовна отчасти смѣшна.

Клементьевъ. Я хотѣлъ сказать, что прежде она была довольно забавна, но все же не доходила до такой щепетильности, какая заботитъ Васъ. Или вы вы-

ставяете смѣшнѣе, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ, или вы слишкомъ испортили ее этою заботливостью угодить ей во всякомъ вздорѣ.

Городищевъ (*искренно и улыбаясь*) Теперь я спокоенъ! Пусть будутъ у васъ какія угодно намѣренія, вы не можете повредить мнѣ, когда у васъ такой взглядъ на вещи. (*Хочочетъ. Глубокомысленно*). Безъ глубокаго убѣжденія, что воля Агнесы Ростиславовны—святой законъ, вы не можете угодить ей, какъ бы ни старались! Не достанетъ воли, не достанетъ силы! Не будетъ искренности, теплоты! Вы видите, я играю съ вами въ открытую, Клементьевъ! Я могу играть такъ: въ васъ нѣтъ убѣжденія, которымъ силенъ я—и я непобѣдимъ!

Клементьевъ. Вы остались бы побѣдителемъ, если бы я и сталъ соперничать съ вами. Но ваши сомнѣнія были напрасны: я слишкомъ далекъ отъ мысли отнимать у васъ сердце Агнесы Ростиславовны. Я женюсь—женюсь по любви.

Городищевъ. Честное слово?

Клементьевъ (*жметъ плечами*).

Городищевъ (*съ искреннимъ восторгомъ*) Я всегда зналъ васъ за человѣка умнаго и благороднаго! Повѣрьте мнѣ, вы избрали вѣрнѣйшій путь къ счастью! Завидую вамъ (*вздыхаетъ, размышляетъ, и съ наэосомъ, отчасти мрачнымъ*) Да, завидую! Ахъ, зачѣмъ я проникся этимъ несчастнымъ чувствомъ! Поздно вырвать его изъ моего сердца,—но клянусь вамъ, я отдалъ бы десять лѣтъ жизни за возможность излечиться! Клементьевъ! (*Хватаетъ его руку*) Моя жизнь—это пытка! Нѣтъ дня, въ который бы я не проклиналъ себя за выборъ этого тернистаго пути, по которому ступаю истерзанными ногами, изнемогая подъ бременемъ безчисленныхъ заботъ! Вы говорите, я избаловалъ Агнесу Ростиславовну. Счастливецъ, вы не были близокъ съ нею, вы не знаете эту женщину! Вы говорите, она добра. Быть можетъ. Но праздный умъ, привычка считать себя центромъ вселенной, осью мірозданія, — прихотливость фантазіи, сумасбродная раздражительность самолюбія, ненасытимость подобострастныхъ комплимент... (*уходитъ Иннокентіевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже. Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ (*становится въ позу, и декламируетъ*)

Въ цвѣтѣ моихъ лѣтъ
Я построю шалетъ
И буду съ тобою, мой другъ,
Жить тамъ съ любовью вдругъ.

Вотъ начало идилліи, Андрей Дементычъ. Агнеса Ростиславовна прислала спросить вашего мнѣнія.

Городищевъ. Скажите, что превосходно. Нѣжность Петрарки, художественность Гёте, энергія Байрона.

Клементьевъ. Здравствуйте, Сидоръ Ивановичъ.

Иннокентіевъ. Здравствуйте, Платонъ Алексѣичъ, очень радъ! Но некогда. Агнеса Ростиславовна ждетъ меня — она ушла изъ бесѣдки, Андрей Дементычъ, сидитъ подъ липами.

Городищевъ. Сейчасъ прійду (*Иннокентіевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 6.

Клементьевъ, Городищевъ.

Городищевъ. Вы видите! И я долженъ не только хвалить, — долженъ сотрудничать, отдѣлывать! И поэзія, и музыка, и живопись, и все, чего хотите! То помогай ей, то самъ выдумывай для нея! О, я научился понимать, какъ искренно и глубоко тяготилась жизнью madame Maintenon! *(Вздыхаетъ)* Пишетъ идиллію! Ахъ, если бы только писала, — а то изъ жизни вздумала сочинять идиллію. Видите, въ какую глушь забрались, въ какой лачугѣ живемъ. Намъ надобѣль шумъ и блескъ, и богатство тяготитъ насъ. Мы хотимъ наслажденія природою, сближенія съ народомъ, намъ нужна крынка сливокъ и любовь, — и любовь идеальная, платоническая: вотъ уже третій день пробавляемся только поцалуями, — баба здоровая, разбираетъ ее, — стонетъ даже, а все-таки не смѣй идти дальше поцалуевъ. И такимъ-то образомъ, мы счастливы подъ убогою кровлею. — „Я построю палетъ“ — чего, построю! уже построила, — или все равно, наняла! *(Вздыхаетъ)*.

Клементьевъ *(съ добрымъ безпокойствомъ)* Да что жъ это? Она больна? — Физически или нравственно?

Городищевъ. Какое! *(Вздыхаетъ)* Душою здорова, какъ тѣломъ, а тѣломъ какъ корова. Съ жиру бѣсятся и отъ глупости. Только.

Клементьевъ. Послушайте, Городищевъ: все-таки, не хорошо такъ говорить о ней. Она въ сущности добрая женщина.

Городищевъ. Добрая, не спорю. Даже отчасти и люблю ее, — вы не повѣрите, а люблю. Но *(ожесточенно махаетъ рукою)*... Желалъ бы я вамъ побыть недѣлю на моемъ мѣстѣ, и послушалъ бы тогда, что вы заговорили бы! *(Вздыхаетъ)* Надобно идти къ ней, ждать. *(Громко)* Наденька, войди сюда.

ЯВЛЕНИЕ 7.

Тѣже. Надя (какъ прежде останавливается у дверей).

Городищевъ *(важно и ласково)* Я передалъ тебѣ, Наденька, подарокъ Агнесы Ростиславовны, остается тебѣ выслушать ея приказаніе. Возьми двѣ столовыя ложки одеколона, одну ложку винегръ-де-туалетъ, влей въ чашечку и поставь согрѣться. Также согрѣй и держи согрѣтыми свои руки. Слышишь, милая Наденька?

Надя. Слышу, Андрей Дементычъ *(хочетъ идти)*.

Городищевъ. Постой. Нѣтъ, рукъ не грѣй. А возьми большую мису, налей теплою водою и поставь на уголокъ очага, чтобы вода держалась теплою, очень теплою, — пока понадобится, потому что у меня есть мысль... Но если бъ и не такъ, то и для тебя удобнѣе, свободнѣе, — зачѣмъ же тебѣ жечь руки, когда можно обойтись безъ этого. Ты понимаешь, для чего вода?

Надя. Чтобы согрѣть въ ней руки, когда будетъ надобно.

Городищевъ. Такъ. Соразмѣрйай температуру воды съ этимъ назначеніемъ. Чѣмъ теплѣе, тѣмъ лучше, — но чтобы не было кипятковъ, чтобы не обожгла. Иди же и займись этимъ порученіемъ, Наденька. *(Надя уходитъ. Городищевъ Клементьеву)* Вы извините, — Агнеса Ростиславовна ждетъ меня помогать ей

продолжать идиллю. Я думаю, мы скоро придемъ сюда, или я пришло за вами. Кстати, зачѣмъ же прѣхали къ намъ? Вы женитесь, у васъ нѣтъ денегъ, — угадываю, милый другъ, — не сомнѣвайтесь, Агнеса Ростиславовна съ удовольствіемъ поможетъ вамъ. Она капризна, но вы знаете, она очень добра (*уходитъ*).

Клементьевъ (*останавливая его*) Моя просьба къ ней вовсе не о деньгахъ. Моя невѣста...

(*За сценою голосъ Румянцова: Андрей Дементычъ, Агнеса Ростиславовна васъ зовутъ...*)

Городищевъ. Иду, иду (*ублаетъ, въ дверяхъ сталкиваясь съ Румянцевымъ и увлекая его*).

ЯВЛЕНИЕ 8.

Клементьевъ, потомъ Надя.

Клементьевъ (*идя къ дверямъ во внутреннія комнаты*) Надежда Всеволодовна, гдѣ вы? Могу я взойти?

Надя (*за сценою*) Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ, здѣсь такая тѣснота, столько вещей нагромождено вездѣ, повернуться негдѣ. Лучше я выйду къ вамъ (*выходитъ*).

Клементьевъ. Вы сказали, Надежда Всеволодовна, что если бы можно было вамъ идти за меня, вы пошли бы. Чего же было мнѣ ждать больше? Я сказалъ Городищеву, что женюсь...

Надя. Напрасно вы говорили ему объ этомъ, потому что этого не будетъ, и прошу васъ, не начинайте говорить съ Агнесою Ростиславовною, потому что вы только разстроите ее — и я сказала: не могу идти за васъ, Платонъ Алексѣичъ. Вы разлюбили бы меня, — пошли бы ссоры между нами, — или молча вы стали бы горевать и стыдиться, — это все равно, если еще не хуже, нежели ссоры, — только и было бы, что погубила бы я себя своимъ согласіемъ, погубила бъ и васъ.

Клементьевъ. Что за фантазіи, Надежда Всеволодовна.

Надя. Не фантазіи, Платонъ Алексѣичъ, а горькій опытъ.

Клементьевъ. Скажите, пожалуйста, какая вы опытная! Вѣрно уже много разъ выходили замужъ и губили и себя и мужей?

Надя. Не смѣйтесь, Платонъ Алексѣичъ, я говорю правду.

Клементьевъ. Помилуйте, можно-ли не смѣяться? — „Опытъ“, гдѣ онъ былъ у васъ? Я видѣлъ изъ письма Сидора Иваныча, что вы живете все также, какъ жили при мнѣ. Если бы я не зналъ, что у васъ благородное сердце, расположенное любить, жаждущее любви, можно бы подумать, что вы бездушная эгоистка. Красивая дѣвушка — и держитъ себя такъ, что никто не рѣшается сказать ей комплиментъ. Признавайтесь: вѣрно вы дали обѣщаніе прожить вѣкъ монашенкою, — такъ?

Надя. Я держу себя, какъ должна себя держать дѣвушка въ моемъ положеніи, такъ велитъ разсудокъ. Не забывайте, кто я. Сирота служанка. Кто вступился бы за меня? У кого достанетъ совѣсти не наговорить мнѣ дерзостей, подлостей? Благородная дѣвушка можетъ и дружиться съ мужчинами, и шутить съ ними. А я, — только взгляни на мужчину, — и посыпались на меня обиды. Пусть же

лучше говорятъ обо мнѣ, что я и безжизненная, и безмысленная. Вы должны понимать это и стыдно вамъ смѣяться за то надо мною.

Клементьевъ. Я надсмѣялся только надъ тѣмъ, что вы заговорили объ опытѣ, а опыта у васъ и теперь столько же, какъ было при вашемъ рожденіи. Вы еще не жили, Надежда Всеволодовна.

Надя. Правда, Платонъ Алексѣичъ. Своего опыта у меня нѣтъ. Но чужаго довольно, слишкомъ довольно.

Клементьевъ. То-есть, вы видите, что счастливые браки—очень рѣдки?

Надя. Не перетолковывайте моихъ словъ въ глупомъ смыслѣ, Платонъ Алексѣичъ. Мои слова вовсе не о томъ. Когда вѣнчаются люди честные, разсудительные, по взаимному расположенію, — вѣнчаться имъ не страшно, если они равные между собою: рѣдко-ли, часто-ли мы видимъ счастливые браки, а ихъ бракъ навѣрное будетъ счастливъ. И дай Богъ, чтобы было больше такихъ. Я говорю только противъ неровныхъ браковъ. Ихъ тоже не мало, — но бываютъ ли въ томъ числѣ счастливые, я не видѣла; и думаю, что не можетъ бывать. Мужъ не мужъ, если не ровный женѣ; онъ тиранъ, или тряпка, о которую жена вытираетъ ноги. Жена не жена, если не ровная мужу—она или деспотка, или интригантка, или бѣдная жертва тиранства, — во всякомъ случаѣ, на мой взглядъ, лучше быть не только монахинею, какъ вы подсмѣялись надо мною, — лучше быть самою жалкою женщиною, нежели такую женою.

Клементьевъ (*понемногу опускавшій голову, третъ лобъ*) Однако... однако... (*принужденно смѣется*) Хороша же вы служанка, Надежда Всеволодовна! Вы не то что республиканка, — это еще куда бы ни шло, — вы нивеллизаторка! Съ такими понятіями, дѣйствительно, очень удобно и пріятно быть служанкою!

Надя. Не понимаю этого новаго имени, которое вы выдумали въ насмѣшку надо мной, Платонъ Алексѣичъ. Вижу только, почему вы смѣетесь. Потому, что вамъ нечего возразить противъ моихъ словъ.

Клементьевъ (*сидитъ задумавшись*) Скажите, Надежда Всеволодовна: должно быть вы много читали въ эти годы?

Надя. Въ пять лѣтъ, развѣ пять книгъ, Платонъ Алексѣичъ; да и то, сколько могу судить, глупыхъ.

Клементьевъ. Откуда же вы приобрѣли такія убѣжденія? Говорили съ кѣмъ нибудь, умнымъ и развитымъ и честнымъ человѣкомъ?

Надя. Честныхъ людей много на свѣтѣ, Платонъ Алексѣичъ. Случается и мнѣ говорить съ ними. А изъ ученыхъ и образованныхъ, кому же, кромѣ васъ, охота заниматься мною? Смотрѣла, какъ живутъ люди.

Клементьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую глупость я сказалъ. Будто правильный взглядъ на жизнь почергается изъ книгъ! Будто позаимствуешь ихъ изъ разговоровъ съ учеными!

Надя. Хорошо вамъ такъ отзываться о книгахъ и объ ученыхъ, Платонъ Алексѣичъ, — вамъ пріѣлось все это. А намъ, бѣднымъ, какъ полезно было бы хоть немножко того, чѣмъ вы пренебрегаете! И видимъ мы все кругомъ себя, и будто правильно понимаемъ свое положеніе, — а смотримъ, смотримъ, думаемъ, думаемъ, — и ничего не можемъ разобрать, и ничего не придумаемъ. Я говорю не о себѣ, — моя жизнь лучше многихъ, — я говорю вообще. Да вотъ, напримѣръ, когда вы пришли, я сижу, шью, а сама что думаю? Пробѣжали мимо окна три маль-

чика, — одинъ сирота, а другого отецъ пьяница, у третьяго отецъ больной. а семейство — полна изба; я и задумалась: что-то будетъ съ вами, три мальчика? Кому изъ васъ воромъ стать, кому съ голоду умереть? А будетъ ли кому и пожить. какъ слѣдуетъ человѣку...

Клементьевъ. Народъ не можетъ придумать, — и мы, ученые, ничего не можемъ... Ничего... *(съ опущенною головою)*.

Над. Вы должны. Это ваша обязанность.

Клементьевъ. Можетъ быть и придумали бы. Можетъ быть, и придумали. Это такъ. Это мы только говоримъ въ оправданіе народу, будто виновато наше незнаніе. Знаемъ, что нужно. Задача не мудрая. Давно все извѣстно. Но что мы будемъ дѣлать, что мы можемъ сдѣлать, когда народъ не хочетъ того, что...

ЯВЛЕНИЕ 9.

Тѣже. Входить Румянцевъ.

(Румянцевъ держитъ себя такъ, какъ будто бы Нади не было тутъ. Она для него существо совершенно индифферентное, какъ для безполной пчелы другая пчела, хотя бы безполая, хоть бы трутень или царица — все равно, впрямь, существа безполыя).

Румянцевъ. Андрей Дементычъ извиняются передъ вами, Платонъ Алексѣичъ, въ томъ, что Агнеса Ростиславовна изволила долго задержать себя и его вмѣстѣ съ собою надъ видомъ рѣки и кормленіемъ рыбокъ, въ ней плавающихъ, и они, то есть Андрей Дементычъ, приказали мнѣ занимать васъ, чтобы вамъ не было скучно однимъ. Вы изволите помнить меня, или забыли, Платонъ Алексѣичъ? Въ послѣднемъ случаѣ буду имѣть удовольствіе представить себя.

Клементьевъ. Не трудитесь. Я помню, кажется, помню даже ваше имя и отчество, — Иванъ Саввичъ, — такъ?

Румянцевъ. Точно такъ-съ. Покорно благодарю. Позвольте сѣсть, Платонъ Алексѣичъ?

Клементьевъ. Сдѣлайте одолженіе *(молчаніе)*.

Румянцевъ. Я хотѣлъ посоветоваться съ вами, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Слушаю васъ.

Румянцевъ. Позвольте попросить васъ посмотрѣть, какъ я одѣтъ, — не правда ли, хорошо-съ? *(Показываетъ ему всѣ части своего туалета)* Вотъ сюртукъ-съ *(или: „вотъ пальто“ — если онъ въ пальто, — и въ остальномъ также можно перемѣнить. Все равно что бы тамъ ни было на Румянцевѣ)* *(подноситъ полу)* Хорошій-съ. Вотъ жилетка *(разстегиваетъ верхнія пуговицы, чтобы лучше было вытянуть впередъ на показ)* Тоже хорошая-съ. Теперь, съ вашего позволенія, панталоны-съ *(приподымаетъ колѣно и оттягиваетъ брюки отъ сапога)* и панталоны очень хорошія-съ. Возьмите наконецъ и сапоги-съ *(подымаетъ ступню, даже вставая, чтобы удобнѣе вывернуть ногу)*. Все какъ слѣдуетъ, и каблуки-съ *(подвертываетъ подошву вверхъ)* — о галстухъ даже нечего и говорить, потому что это самая первая вещь въ молодомъ человѣкѣ *(вытягиваетъ концы галстуха)*. Это уже всякій понимаетъ, должно быть хорошо. *(Садится)*. Словомъ одежда хорошая-съ, вы согласитесь. Теперь, позвольте же спро-

силь вашего мнѣнія: для чего я такъ одѣваюсь?—Потому что это стоитъ денегъ. Другіе молодые люди щеголяютъ для дѣвицъ и барышень; это резонъ-съ, я согласенъ. Но мнѣ для чего же? Какъ я долженъ объяснять себѣ это?

Клементьевъ. Вы не думаете о томъ, чтобы нравиться дѣвицамъ и барышнямъ?
Румянцевъ. Не имѣю этого желанія.

Клементьевъ. Когда такъ, то не знаю, для чего же вы такъ щеголяете

Румянцевъ. Для того, чтобы не отстать отъ другихъ.

Клементьевъ. Чтожь, и это хорошій резонъ.

Румянцевъ. Такъ вы одобряете, Платонъ Алексѣичъ?

Клементьевъ. Совершенно.

Румянцевъ. Я очень благодаренъ, Платонъ Алексѣичъ, за то, что вы были такъ добры и, рассмотрѣвши все, успокоили меня (*молчитъ. По нѣкоторомъ молчаніи*) Платонъ Алексѣичъ, позвольте мнѣ утрудить васъ еще однимъ вопросомъ.

Клементьевъ. Не утруждайте, если онъ о туалатѣ, потому что я не знатокъ въ модахъ.

Румянцевъ. Нѣтъ-съ, это больше касается до нравственности. Вотъ-съ, я имѣлъ удовольствіе объяснить вамъ, что не подверженъ желанію нравиться дѣвицамъ. Позвольте узнать: почему же не подверженъ?

Клементьевъ. Я не могу судить объ этомъ.

Румянцевъ. Позвольте же мнѣ изложить это яснѣе. Вотъ-съ, если вы изволите посмотрѣть на Надежду Всеволодовну, ея лицо понравится вамъ, и всякому понра...

Надя (*вставая*) Иванъ Саввичъ, я не люблю, чтобы занимались мною (*уходитъ*).

Румянцевъ (*продолжая, безъ малѣйшей перемѣны*) И всякому понравится, а мнѣ теперь на нее ли смотрѣть, на кого ли изъ дѣвицъ или барышень, все равно-съ: никакого чувства не производитъ это и не нахожу нисколько интереса, и если бы, какъ вы, можетъ быть, подумали, это было отъ воли Вожіей, какъ бываютъ нѣкоторые отъ рожденія или теряютъ впослѣдствіи. Въ такомъ случаѣ не о чемъ и спрашивать. Но если вы посмотрите на меня, то увидите, что я созданъ Богомъ вполне какъ слѣдуетъ, и не пріобрѣлъ никакихъ потерь, и не только не имѣю недостатковъ по наружности, но даже и могу чувствовать. Потому и затруднительно понять, отчего же, когда человекъ совершенно одаренъ, и даже можетъ чувствовать, почему же не чувствуетъ?

Клементьевъ. Мало ли какія могутъ быть причины?

Румянцевъ. Нѣтъ-съ, никакихъ причинъ я не нахожу въ себѣ, чтобы не имѣть этого чувства, а не имѣю его только потому, что не поощряю себя къ этому.

Клементьевъ. Значитъ, вы умный человекъ.

Румянцевъ. Покорно васъ благодарю, Платонъ Алексѣичъ. Но только, почему же я не поощряю себя къ этому? Вижу я, напримѣръ, дѣвицу, и знаю, что при этомъ много хлопотъ и могутъ быть непріятныя отношенія, что, напримѣръ, прійдетъ ея братъ, или женихъ, или даже и посторонній, и начнетъ меня бить въ зашеину. И сама дѣвица можетъ, вмѣсто удовольствія, отлупить меня по щекамъ. Какая же тутъ пріятность, не правда ли-съ?

Клементьевъ. Совершенная правда.

Румянцевъ. Вотъ поэтому я и не поощряю себя.

Клементьевъ. И прекрасно дѣлаете (*молчаніе*).

Румянцевъ (*опять*) Позвольте ли, Платонъ Алексѣичъ, утрудить васъ еще однимъ вопросомъ?

Клементьевъ (*сидѣвшій въ раздумь, вздрамливаетъ, очнувшись*) Но это вздоръ! (*Къ Румянцеву*) Не обидьтесь, Иванъ Саввичъ, это относилось не къ вашимъ словамъ; я сказалъ такъ о томъ, что самъ думалъ. (*Громко*) Надежда Всеволодовна, идите къ намъ. Теперь мы не будемъ говорить вамъ комплиментовъ (*къ Румянцеву*) — Иванъ Саввичъ, будьте такъ добръ, сходите къ Андрею Дементьичу, гдѣ онъ тамъ; (*между тѣмъ входитъ Надя*) спросите, скоро ли прійдетъ онъ съ Агнесою Ростиславовною, или пусть позовутъ меня къ себѣ, — я хочу поскорѣе поговорить съ нею.

Румянцевъ. Очень хорошо-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Клементьевъ, Надя.

Надя (*выходитъ*) Хорошо вы поступаете, Платонъ Алексѣичъ? Я сказала вамъ, что несогласна, а вы все таки хотите говорить съ Агнесою Ростиславовною — дѣлаете именно то, чего не дѣлать я просила васъ. И что жъ это наконецъ, вы хотите, чтобы меня отдали за васъ насильно?

Клементьевъ. Если и повеземъ васъ въ церковь силою, скажите тамъ „несогласна“ — и священникъ откажется вѣнчать.

Надя. Прошу васъ говорить со мною серьезно, какъ я говорю съ вами, а не отшучиваться.

Клементьевъ. Да чѣмъ же иначе, какъ не шуткою, отвѣчать на ваши слова? Развѣ вы серьезно думаете, что я хочу или соглашусь, чтобы васъ отдали за меня насильно? Но дѣйствительно я хочу и обязанъ воспользоваться всѣми средствами убѣжденія, чтобы вы отбросили напрасные ваши страхи. Вы сама сказали, что мнѣніе Агнесы Ростиславовны очень важно для васъ, — какъ же я не долженъ попросить ее ободрить васъ?

Надя. Мои опасенія напрасны? Это какъ же? Я очень ясно видѣла, что вы были совершенно смущены моими словами, — вамъ нечего было возразить, или въ эти двѣ-три минуты всѣ тѣ десятки, можетъ быть сотни, неравныхъ браковъ изъ несчастныхъ сдѣлались счастливыми? Покажите мнѣ эту перемѣну, покажите мнѣ, что въ эти три минуты свѣтъ перевернулся, мужики привыкли элегантно вальсировать, аристократы стали ловко и усердно пахать и косить, — о, покажите мнѣ, что исчезла разница сословій и воспитаній, — и я буду очень рада, — за всѣхъ, и за себя, но пока этого нѣтъ, неровные браки остаются неровными, т. е. безразсудствомъ, погибелью, и вы не переубѣдите меня, пока есть у меня хотя капля здраваго смысла.

Клементьевъ. И не буду переубѣждать. И пусть будетъ по вашему, что неровные браки не могутъ быть счастливы. Вы сбили меня съ толку вашими неровными браками. Вотъ сейчасъ только опомнился и разобралъ, что не слѣдовало и разсуждать о счастіи или несчастіи неровныхъ браковъ. То, что

я предлагаю вамъ, не имѣть никакого отношенія къ этимъ мыслямъ. Въ нашемъ бракѣ не будетъ никакого неравенства. У васъ нѣтъ ничего, — и мое богатство точно такое же. Вы живете тѣмъ, что работаете, и мнѣ безъ работы нечѣмъ жить. Привычки у насъ одинаковыя: трудолюбіе, подавленіе въ себѣ пустыхъ прихотей, — и стремленія одинаковыя: жить тихо, смиренно, честнымъ трудомъ. Равны ли мы? Того мало, что мы равны, моя милая, ненаглядная: мы съ тобою одинъ и тотъ же человѣкъ, — какъ же намъ не жить за-одно? Давай руку, ты, живущая моею жизнью, мнѣ, живущему твоею жизнью, — дай мнѣ руку на любовь, — не ко мнѣ, къ себѣ самой: я — это ты; ты — это я. *(Она, будто въ забытѣи, какъ околдованная, машинально даетъ ему руку, — но встrepенувшись, вырываетъ руку и закрывается, — не съ отчаяньемъ, а съ грустнымъ спокойствіемъ).*

Надя *(закрываясь, тихо и грустно)* Боже мой, какъ легко тому, кто выучился говорить, обмануть, обольстить бѣдную, почти безграмотную! Платонъ Алексѣичъ, ваши слова прекрасныя, но пустыя слова. Я своихъ словъ не умѣю защитить, и они не хороши, — но въ нихъ правда. Я не равная вамъ и не жить намъ вмѣстѣ, пока Богъ не отниметъ у меня разсудка. *(Молчитъ. Слышатся сдерживаемыя тихія рыданія)* Жаль мнѣ васъ, потому что я знаю: у васъ честное сердце, искреннее, и вы любите меня всю дулою... Жаль мнѣ и себя самой, потому что и я люблю васъ... Но... но, мой милый другъ... *(постепенно и рыданія усиливаются и оттого голосъ все громче)* не быть намъ сильнѣе своей судьбы, не перемѣнить мнѣ своего прошлаго... не быть мнѣ достойною васъ... не перемѣнить и вамъ своего прошлаго, не разучиться всему хорошему, чему научились вы... не унижить вамъ себя до того, чтобы не постыдиться своей любви къ дурѣ... *(это уже почти крики)* безграмотной... съ подлыми привычка...

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣже. **Иннокентіевъ** (въ рукахъ альбомъ, онъ держитъ его съ благоговѣніемъ).

Иннокентіевъ *(останавливается)* Что это за...

Надя *(вскакиваетъ)* Боже мой, что подумаютъ, скажутъ обо мнѣ *(убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Клементьевъ, Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ *(такъ и остается съ альбомомъ, который держитъ на обѣихъ ладоняхъ, подобно тому, какъ въ процессіяхъ носятъ регалии)* Что это за сцена, невольнымъ свидѣтелемъ которой я сдѣлался? Платонъ Алексѣичъ, неужели вы могли оскорбить невинную дѣвушку непристойными посягновеніями?

Клементьевъ. Успокойтесь, добрый Сидоръ Ивановичъ: никакихъ посягновеній на Надежду Всеволодовну у меня нѣтъ, потому что я сдѣлалъ предложеніе...

Иннокентіевъ *(перебивая съ изумленіемъ)* Вы сдѣлали предложеніе? Какъ вы отважились, Платонъ Алексѣичъ? Вы, и посмѣли сдѣлать предложеніе Агнесѣ Ростиславовнѣ!

Клементьевъ. Вовсе не Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Иннокентіевъ (*раззываетъ ротъ — хлопаетъ глазами*) Какъ не Агнесъ Ростиславовнѣ? Такъ кому же? О какой же другой женщинѣ можно думать, когда видишь Агнесу Ростиславовну?

Клементьевъ. Это правда. Но мой дурной вкусъ извиняется тѣмъ, что я пять лѣтъ не видалъ Агнесу Ростиславовну и теперь дожидаюсь увидѣть Агнесу Ростиславовну, а не вижу ея.

Иннокентіевъ (*успокоиваясь*) Да, ну развѣ что такъ. Это точно, вы не видѣли Агнесу Ростиславовну пять лѣтъ, такъ, та-акъ. Вы обратили вниманіе на другую потому, что тамъ, гдѣ вы жили, вы не имѣли передъ глазами Агнесу Ростиславовну. Та-акъ. Ну, хорошо; вы сдѣлали предложеніе, такъ отчего же Надѣ было плакать? Отъ ревности, что ли? Да не могла же она вообразить, что выйдетъ за васъ?

Клементьевъ. Могла воображать, или не могла, но выходить.

Иннокентіевъ (*раззвая ротъ*) Какъ, выходить?

Клементьевъ. Такъ.

Иннокентіевъ. Да помилуйте, неужели же предложеніе-то ваше вы сдѣлали ей?

Клементьевъ. Ей.

Иннокентіевъ. Ну-у!

Клементьевъ. Для кого другого, Сидоръ Иванычъ, это еще могло бы быть неожиданностью, а для васъ-то не должно бы тутъ быть ничего непредвидѣннаго.

Иннокентіевъ. Какъ же я-то могъ предвидѣть?

Клементьевъ. Да когда я въ своемъ письмѣ спрашивалъ васъ, гдѣ Надежда Всеволодовна, что съ нею, вышла ли она замужъ, или нѣтъ ли у нея жениха.

Иннокентіевъ. Да-а-а! Такъ въ этихъ вопросахъ надобно было видѣть такой смыслъ, а не простое любопытство, — та-а-акъ!

Клементьевъ. Конечно, Сидоръ Иванычъ. Развѣ мало было у меня занятій, или мало на что смотрѣть, или о чемъ думать, чтобы любопытствовать черезъ пять лѣтъ о комъ нибудь, кто не былъ бы очень дорогъ мнѣ?

Иннокентіевъ. Та-а-акъ! Теперь понимаю. Та-а-акъ.

Клементьевъ. Но когда вы не видѣли ничего серьезнаго въ моихъ вопросахъ о Надеждѣ Всеволодовнѣ, тѣмъ больше я долженъ благодарить васъ за внимательность, что вы потрудились отвѣчать на вопросы, которымъ не придавали никакой важности.

Иннокентіевъ. Полноте, свой своему всегда другъ, — мы оба граждане царства наукъ.

Клементьевъ. Не отрекайтесь отъ права на мою благодарность, добрый другъ, надобно мнѣ крѣпко пожать вашу руку — да кстати же мы еще и не здоровались хорошенько. (*Хочетъ снять альбомъ съ рукъ Иннокентіева*). Давайте-ко, освобожу васъ отъ ноши, и поздороваемся.

Иннокентіевъ (*отстраняя руки съ альбомомъ*) Тише, тише! Этого нельзя такъ хватать.

Клементьевъ. Да что жь это за святыня? Реймское евангеліе, что-ли? Или подлинникъ Иліады, рукопись самого Гомера?

Иннокентіевъ. Альбомъ рисунковъ Агнесы Ростиславовны. Вотъ я вамъ по-

кажу ¹⁾ (осторожно слагает альбомъ съ рукъ на столъ, обдуваетъ и обтираетъ руки, обертываетъ пальцы платкомъ, чтобы не повредить альбома, раскрываетъ съ осторожностью) Вотъ, напиримѣрь. (Клементьевъ наклоняется, Иннокентьевъ кладетъ ему на чуждъ руку, удерживая подальше) Тихе, тихе, не нагибайтесь близко, — подальше, чтобы не дохнуть на бумагу, чтобы не повредить.

Клементьевъ. Что жь это? Еловыя шишки, кажется, на осиновыхъ или березовыхъ вѣткахъ, что ли? Такъ зачѣмъ же онѣ связаны? И что такое торчитъ изъ середины, — полштофъ, что ли? Рисунокъ для вывѣски, водка перегнанная на еловыхъ шишкахъ и березовыхъ почкахъ? Крѣпительное для желудка?

Иннокентьевъ. Что вы, Платонъ Алексѣичъ! Гдѣ у васъ глаза? Какія же еловыя шишки? Розы, — букетъ розъ, видите.

Клементьевъ. А, если такъ, то согласенъ, ошибся. Но зачѣмъ же въ букетѣ вставленъ полштофъ?

Иннокентьевъ. Помилуйте, какой же полштофъ? Какъ же не видѣть, флаконъ съ духами.

Клементьевъ. Господи, твоя воля! Въ букетѣ розъ флаконъ съ духами!

Иннокентьевъ. Это пока еще не больше, какъ прозекъ, потому что только сейчасъ родилась у Агнесы Ростиславовны мысль, — но къ вечеру эта мысль будетъ переведена въ фактъ, и нюхая букетъ, можно будетъ наслаждаться болѣе изящнымъ ароматомъ, какой издаетъ флаконъ, — кромѣ фактическаго достоинства, это изобрѣтеніе будетъ имѣть и эмблематическій смыслъ: угадайте, какой?

Клементьевъ. Не знаю; вижу только, что розы тутъ вышли болѣе похожи на еловыя шишки.

Иннокентьевъ. Да, техника у Агнесы Ростиславовны нѣсколько слаба. Но мысли геніальны. Какъ же? Это даетъ вмѣсто грубаго запаха тонкій и вмѣстѣ служитъ символомъ: этотъ букетъ — человекъ, или общество; а флаконъ, дающій ему высшее достоинство — цивилизація, — вы понимаете, не правда-ли? Геніальная идея! А придавать идеямъ Агнесы Ростиславовны тохническую отдѣлку, это уже занятіе ея помощниковъ, дѣло Андрея Дементьяча и мое. То, что я показалъ вамъ, — только первый эскизъ, во всей дѣвственной чистотѣ и прозрачности идеи. Андрей Дементьячъ сдѣлаетъ изъ этого рисунокъ, удовлетворяющій обыкновеннымъ требованіямъ формы. Это полезная, но не великая работа. Главное, идея. Идея всегда и во всемъ принадлежитъ Агнесѣ Ростиславовнѣ. Андрей Дементьячъ добросовѣстно признаетъ это, и не гордится своими поэтическими и художественными трудами, справедливо приписывая все ихъ достоинство геніальной инициативѣ, творческимъ идеямъ Агнесы Ростиславовны. Такъ смотрю и я на свою долю заслугъ въ трудахъ, производимыхъ мною по ея идеямъ, подъ наитіемъ ея мысли, при помощи ея указаній и совѣтовъ. Вотъ, я сейчасъ покажу вамъ, — я пишу исторію, — сейчасъ принесу (*хочетъ идти*).

Клементьевъ (*удерживая*). Послѣ когда нибудь, Сидоръ Ивановичъ. А скоро прійдетъ она сама?

Иннокентьевъ. Сію минуту будетъ здѣсь. Набросала два-три куплета элегій, покормила рыбокъ, сѣла, набросала два-три эскиза въ этотъ альбомъ и встала идти

¹⁾ Далѣе, весь этотъ разговоръ объ альбомѣ до словъ Клементьева: „Послѣ когда нибудь...“ въ рукописи зачеркнутъ.

сюда, попросила Андрея Дементьича вести ее подъ руку, а меня попросила взять нести альбомъ. Они отстали отъ меня, потому что она очень нѣжнаго сложенія, но сю минуту будутъ здѣсь. Да-а, да-а, такъ вы хотите жениться на милой нашей Наденькѣ, — да, а, да-а. *(помолчаѡ)* Да-а, та-къ. *(Помолчаѡ)* Но только это совершенная неожиданность для меня. *(Помолчаѡ)* Платонъ Алексѣичъ, послушайте совѣтъ искренняго вашего друга, человѣка пожилаго, смотрящаго на вещи хладнокровно: подумайте, какъ же это можно?

Клементьевъ. Объ этомъ напрасно говорить, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентьевъ *(вздыхаетъ)* Неблагоразумно, Платонъ Алексѣичъ; безразсудно.

Клементьевъ. Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ. Пожалуй, хоть о вашихъ ученыхъ трудахъ. Что вы теперь пишете?

Иннокентьевъ. Находя васъ неблагоприятнымъ мечтателемъ въ жизни, Платонъ Алексѣичъ, дорожу вашимъ мнѣніемъ въ ученыхъ дѣлахъ. Съ удовольствіемъ представлю на вашу оцѣнку мой слабый трудъ, прочту главныя мѣста *(хочетъ идти)*.

Клементьевъ *(удерживал)* Читать некогда, Сидоръ Иванычъ; расскажите лучше на словахъ, покороче. О чемъ ваше сочиненіе?

Иннокентьевъ. Трудъ мой имѣетъ предметомъ исторію Серпуховыхъ-Карелиныхъ, это мысль Агнесы Ростиславовны, Платонъ Алексѣичъ. Женщина гениальнаго ума. Я очень много обязанъ ей въ ученomъ отношеніи; видя во мнѣ желаніе заняться этимъ изслѣдованіемъ, она доставила мнѣ и всѣ нужные для того матеріалы, открывши для меня фамильный архивъ, — я привезъ и сюда три большія кнѣи документовъ; она же и руководитъ меня своими указаніями въ объясненіи смысла фактовъ. Важна также и помощь Андрея Дементьича. Благодаря его и въ особенности ея просвѣщенному и гениальному содѣйствію, надѣюсь, трудъ мой будетъ не бесполезнымъ для прогресса науки.

Клементьевъ. Добрый Сидоръ Иванычъ, понимаете ли вы, чего она ждетъ, и понимаетъ ли она, что выйдетъ? Исторія Серпуховыхъ — то есть предковъ Агнесы Ростиславовны, — и Карелиныхъ — то есть фамиліи, въ которую вступила она черезъ замужство — это, просто-на-просто вашъ трудъ долженъ быть пьедесталомъ для величія самой Агнесы Ростиславовны. Но, Сидоръ Иванычъ, вы должны предупредить ее, что она хочетъ невозможнаго и ошибется въ расчетѣ. Въмѣсто па-негирика, у васъ непременно выйдетъ смѣсь обвинительнаго акта съ пасквилемъ.

Иннокентьевъ. Богъ съ вами, Платонъ Алексѣичъ; какъ это можно!

Клементьевъ. Да не можетъ выйти иначе, Сидоръ Иванычъ, — только потрудитесь перебрать въ умѣ главные факты. Предки Агнесы Ростиславовны были темные воры по мелочи, пока, наконецъ, родъ Серпуховыхъ прославился подвигами двухъ братьевъ. Старшій ограбилъ цѣлую губернію и по мерзкому скряжничеству оставлялъ едипственнаго сына умирать съ голоду. Сынъ и умеръ. Тогда другой братецъ, — отецъ Агнесы Ростиславовны — мелкій негодяй, жившій чуть ли не лакеемъ у брата, угостилъ его мышьякомъ и взялъ его наслѣдство. Хороша исторія Серпуховыхъ, предковъ Агнесы Ростиславовны! А фамилія Карелиныхъ — все глупцы и трактирные герои, такіе же какъ мужъ Агнесы Ростиславовны, пошлый гуляка, убитый бутылкою въ пьяной дракѣ. Пасквиль и обвинительный актъ — ничѣмъ не можетъ быть исторіи Серпуховыхъ и Карелиныхъ. Вы должны растолковать это Агнесѣ Ростиславовнѣ, она добрая женщина, и вамъ, человѣку чест-

ному, слѣдуетъ удерживать ее отъ фантазіи, изъ которой не выйдетъ для нея ничего, кромѣ стыда и огорченія.

Иннокентіевъ. По обязанности ученаго, я терпѣливо выслушалъ ваши замѣчанія, мой собратъ-ученый. Но вы смотрите на предметъ поверхностно. Глубокое истолкованіе фактовъ бросаетъ на нихъ совершенно иной свѣтъ, и открываетъ въ нихъ идеи, внесеніе которыхъ въ развитіе человѣчества будетъ содѣйствовать возрожденію одряхлѣвшей цивилизаціи запада: смиреніе и любовь, простоту разума и мудрость сердца. Вы говорите, напримѣръ, что мужъ Агнесы Ростиславовны убить въ ссорѣ бутылкою, и видите только эту матеріальную сторону факта. Но вникните въ подробности и побужденія, вамъ откроется иной, высокій смыслъ. Было тридцать человѣкъ въ комнатѣ, — это была бесѣда шумная, но выражающая идею славянскаго братства. Двое изъ нихъ начали драться. Другіе приняли участіе въ ссорѣ, — почему? — не потому, чтобы имѣли собственныя, эгоистическія причины драться между собою, — нѣтъ! — но по безкорыстному влеченію помогать поспорившимся, — это идея самоотверженной любви къ ближнимъ, въ славянскомъ духѣ — и если мужъ Агнесы Ростиславовны палъ въ этой борьбѣ, онъ палъ страдальцемъ за высокую идею славянскаго братства.

Клементьевъ. Вы, какъ я вижу, стали немножко славянофиломъ, Сидоръ Ивановичъ.

Иннокентіевъ. Благодаря вліянію Агнесы Ростиславовны, Платонъ Алексѣичъ. Но если вы, какъ я предполагаю по вашему замѣчанію, остались чужды этому стремленію вѣка, объединяющему всѣхъ славянъ въ объятіяхъ нашей любви, то можете вмѣсто термина „славянская идея“ подстановить „наша національная идея“. Всѣ истины — одна и та же единая истина. Славянство — истина, и патріотизмъ — истина. Поэтому, быть славяниномъ или патріотомъ, это одно и то же. Славянскіе ручьи должны слиться въ нашемъ морѣ, по предсказанію нашего великаго поэта.

Клементьевъ. Прекрасно сказано, Сидоръ Ивановичъ.

Иннокентіевъ. Вы убѣждены, Платонъ Алексѣичъ?

Клементьевъ. Совершенно.

Иннокентіевъ. Душевно радъ, Платонъ Алексѣичъ, и надѣюсь теперь, что если уже суждено вамъ сдѣлать это безразсудство, жениться на милой Наденькѣ, то вы будете правильно понимать отношенія Наденьки и черезъ Наденьку ваши собственныя къ Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Клементьевъ. Надѣюсь, добрый Сидоръ Ивановичъ.

Иннокентіевъ. Но прошу васъ, скажите, какъ вы будете понимать, чтобы я могъ быть спокоенъ въ томъ смыслѣ, что вы не нанесете удара сердцу Агнесы Ростиславовны заблужденіемъ въ вашихъ понятіяхъ.

Клементьевъ. Извольте. Изъ уваженія къ вашему искреннему добродушію скажу, какія понятія у меня объ этомъ. Надежда Всеволодовна лишилась матери, когда была еще груднымъ ребенкомъ...

Иннокентіевъ. Точнѣе сказать: черезъ пять дней по рожденіи.

Клементьевъ. Отецъ Агнесы Ростиславовны не выбросилъ сироту на улицу, а позволилъ прислугѣ воспитывать дѣвочку, — въ жизни такого мерзавца это надобно считать подвигомъ необыкновенной добродѣтели.

Иннокентіевъ. Платонъ Алексѣичъ, прошу васъ, не забывайте, что онъ былъ отецъ Агнесы Ростиславовны, и что поэтому я благоговѣю передъ его памятью и

понимаю его характеръ какъ совершенно благородный. Потому, умоляю васъ, держивайтесь отъ ироническихъ сужденій о немъ. Привыкнуть говорить о немъ почтительно будетъ тѣмъ полезнѣе для васъ, что малѣйшая неосторожность ваша въ этомъ предметѣ оскорбила бы Агнесу Ростиславовну. Сдѣлавъ это замѣчаніе, прошу васъ продолжать.

Клементьевъ. Дѣвочка подросла, — была красива, ловка, умна. Ее сдѣлали горничною Агнесы Ростиславовны. Барышня, потомъ барыня, была не зла отъ природы, горничная служила усердно, — потому не имѣла особенныхъ непріятностей: обыкновенно была болѣе или менѣе сыта, — если и голодала, то изрѣдка, чего же требовать больше? Надобно назвать Агнесу Ростиславовну хорошею госпожою. Пусть моя жена остается благодарна ей, если хочетъ, — я не имѣю противъ этого никакихъ возраженій, и даже самъ готовъ, если моя жена будетъ требовать того отъ меня, — готовъ выражать мою признательность Агнесѣ Ростиславовнѣ за то, что она была хорошею госпожою для моей жены.

Иннокентьевъ. Продолжайте, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Я кончилъ.

Иннокентьевъ. Этого недостаточно.

Клементьевъ. Не могу ничего прибавить.

Иннокентьевъ. Какъ не можете? Зачѣмъ умалчивать о самомъ главномъ фактѣ отношеній Агнесы Ростиславовны къ Надѣ, — о фактѣ, который долженъ наполнять ваше сердце безпредѣльнымъ уваженіемъ къ ангельской деликатности, кротости, нѣжности души Агнесы Ростиславовны?

Клементьевъ. О какомъ же фактѣ?

Иннокентьевъ. О родствѣ?

Клементьевъ. О родствѣ? Какъ, что такое?

Иннокентьевъ. А я думалъ, вы давно знаете. Неужели же Андрей Дементьичъ не сказалъ еще тогда, какъ вы ходили заниматься въ нашей бібліотекѣ? Какъ же онъ не говорилъ вамъ? Онъ былъ такъ друженъ съ вами.

Клементьевъ. Онъ былъ друженъ со мною! Добрый Сидоръ Иванычъ, онъ готовъ былъ тогда задушить меня. Онъ воображалъ, что я хочу волочиться за Агнесою Ростиславовною.

Иннокентьевъ. Такъ онъ ничего не говорилъ вамъ? Такъ вы не знали этого родства? Значить я проговорился передъ вами! Эхъ, какъ же это я опростоволохился! *(Качаетъ головою)* Но, впрочемъ, что же за бѣда? Передъ своимъ братомъ, не важность и сказать лишнее. Даже все къ лучшему. Теперь вы больше будете понимать благородство Агнесы Ростиславовны, и даже понятіи о сея отцѣ перемѣнятся у васъ. Видите ли... *(молчитъ)*.

Клементьевъ. Ну, что же?

Иннокентьевъ. Да признаться, поусомнился, слѣдуетъ ли говорить.

Клементьевъ. Теперь поздно недоговаривать, Сидоръ Иванычъ. Не скажете вы, буду разузнавать отъ другихъ. Спрошу саму Надежду Всеволодовну.

Иннокентьевъ. Ну, отъ нея-то не узнаете, я спокоенъ въ этомъ. Она сама ничего не знаетъ.

Клементьевъ. Не можетъ быть!

Иннокентьевъ. Нечему тутъ не мочь быть, Платонъ Алексѣичъ. Ей было меньше недѣли отъ роду, когда ея мать умерла. Отъ кого жъ ей было узнать?

Клементьевъ. Пустяки; все таки слышала отъ кого нибудь.

Иннокентievъ. Не отъ кого было. Теперь изъ насъ, которые въ живыхъ, только трое и знаемъ это: Агнеса Ростиславовна, да мы съ Андреемъ Дементьевичемъ, и всѣ общались ея покойному отцу хранить тайну. Благородный былъ человекъ, деликатный! Не любилъ сплетенъ, не хотѣлъ дѣлать напраснаго стыда людямъ.

Клементьевъ. Когда такъ, теперь уже не о чемъ вамъ молчать, Сидоръ Ивановичъ; мнѣ все извѣстно.

Иннокентievъ. Ну, значить обманывали меня, Платонъ Алексѣичъ, будто не знали, знали отъ Андрея Дементевича!

Клементьевъ. Зналъ ли, не зналъ ли прежде, теперь знаю вотъ что: отецъ Агнесы Ростиславовны получилъ богатство по смерти старшаго брата. У этого брата былъ сынъ, умеръ въ Москвѣ раньше отца. Мать Надежды Всеволодовны была любовницею этого сына. Надежда Всеволодовна его побочная дочь.

Иннокентievъ. Такъ и есть, вы обманывали меня: Андрей Дементевичъ все сказывалъ вамъ!

Клементьевъ. Ничего не сказывалъ мнѣ вашъ Андрей Дементевичъ.

Иннокентievъ. Такъ отъ кого же вы узнали? Значить отъ Нади, стало быть, въ противность нашей увѣренности, она знаетъ все! О, какая же хитрая! Знаетъ, и показываетъ видъ, что не знаетъ! И какъ могла дознаться? О, какая хитрая! Надобно спросить ее обо всемъ, предупредить, чтобы не вышла наружу ея хитрость передъ Агнесою Ростиславовною, не огорчила бы этого ангела! Наденька, гдѣ ты! Иди сюда, моя...

Клементьевъ (*напрасно удерживая его*). Не зовите. Не о чемъ спрашивать ее. Она ничего не говорила мнѣ.

Иннокентievъ. Нѣтъ, нѣтъ, не обманете! Не отъ нея, то отъ кого же могли узнать?

Клементьевъ. Да отъ васъ же.

Иннокентievъ. Нѣтъ, изъ моихъ словъ вы не могли узнать кто ея отецъ!

Клементьевъ. Да чего же тутъ не знать, когда ея отчество—Всеволодовна а двоюроднаго брата Агнесы Ростиславовны звали Всеволодъ. Вы сами навели на эти мысли.

Иннокентievъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого вы не могли угадать, не обманывайте! Я самъ давно зналъ все это и много думалъ, кто отецъ Нади, а не могъ угадать, пока не открыли мнѣ! О, нѣтъ, нѣтъ, вамъ это сказано,—не отпирайтесь: она сказала! Надобно спросить ее и предупредить. (*Громко*) Надя, иди сюда, моя милая.

Клементьевъ (*стараясь перебить*). Не зовите ее, я не хочу видѣть ея, пока не переговорю съ Агнесою Ростиславовною; Надеждѣ Всеволодовнѣ тяжело говорить со мною, пока она не увѣрена въ согласіи Агнесы Ростиславовны на нашъ бракъ.

Иннокентievъ (*ничего не слушая, кричитъ между тѣмъ все громче и громче*). Надя, Наденька!.. Наденька, а, Наденька!.. Наденька.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Клементьевъ, Иннокентievъ, Надя.

Надя. Чего изволите, Сидоръ Ивановичъ?

(*Клементьевъ хочетъ уйти. Иннокентievъ хватается и держитъ его*).

Иннокентьевъ. Нѣтъ, не пушу! Должны присутствовать при допросѣ, а то скажете, что я спуталъ ее, спрашивалъ недобросовѣстно. (*Кротко*) Скажи, милая Наденька, ты родственница Агнесы Ростиславовны?

Надя. Я никогда не говорю объ этомъ, Сидоръ Иванычъ; вы должны понимать, почему не говорю. Мнѣ больно говорить, мнѣ горько и думать объ этомъ. Прошу васъ, позвольте мнѣ уйти.

Иннокентьевъ. Не могу позволить, милая Наденька. (*Къ Клементьеву*) Видите, все обнаруживается, какъ я и угадалъ! (*Къ Надю*) Скажи, милая Надя, какъ же ты родня Агнесѣ Ростиславовнѣ?

Надя. Не мучьте меня, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентьевъ. Мнѣ жаль огорчать тебя, милая Наденька, но я обязанъ, — для твоей собственной пользы и для спокойствія той, спокойствіе которой должно быть самою священною заботою для тебя. — Скажи, мой другъ, не стыдись: въ какихъ отношеніяхъ находилась твоя мать къ твоему отцу?

Надя (*съ рыданіями*) Этого не могло быть... Моя мать не могла продать себя, не могла ни обманывать, ни обирать, — она любила моего отца! (*Блжннѣ*).

Иннокентьевъ (*ловитъ ее*) Постой, милая Наденька, договоримъ.

Клементьевъ (*отводитъ ея руку, самъ беретъ Надю*) Позвольте, Сидоръ Иванычъ, вы не умѣете говорить. Надежда Всеволодовна, я слышалъ, что ваша мать была очень добрая, скромная женщина. Какovy бы ни были ея отношенія къ вашему отцу, они были благородны. Вы заслуживали бы презрѣнія, если бы вы стыдились вашей матери.

Надя. Я не стыжусь ея, Платонъ Алексѣичъ, мнѣ только горько, что другіе могутъ думать о ней дурно.

Клементьевъ. Я думаю о ней, какъ слѣдуетъ честному человѣку думать о женщинѣ кроткой и скромной. Со мною вамъ не должно быть горько говорить о ней. Расскажите же, что вы знаете о ней. Я не желалъ бы настаивать, но вы видите, это необходимо. Безъ того Сидоръ Иванычъ подыметъ шумъ, котораго вы хотите избѣжать.

Надя (*послѣ раздумья*) Какъ я выскажу то, что я предполагаю? Моя догадка должна показаться неправдоподобною даже для васъ, Платонъ Алексѣичъ.

ЯВЛЕНИЕ 14.

Тѣже. Вбѣгаетъ Румянцевъ.

Румянцевъ (*вбѣгая*) Агнеса Ростиславовна поймала козявочку. Хорошенькую, хочеть показать вамъ.

Иннокентьевъ (*Клементьеву*). Видите, какое у нея сердце. Всегда хочеть подѣлиться съ другими всякою радостью. Я сейчасъ вернусь къ вамъ. Вы, Наденька, не уходите. (*Уходитъ съ Румянцевымъ*).

ЯВЛЕНИЕ 15.

Надя. Клементьевъ.

Клементьевъ. Мнѣ говорили, Надежда Всеволодовна, что ваша матушка пріѣхала въ деревню родныхъ Агнесы Ростиславовны больная.

Надя. И я такъ слышала, Платонъ Алексѣичъ. Какъ пріѣхала, такъ и не выходила изъ комнаты.

Клементьевъ. Надобно думать, ея здоровье было разстроено смертью вашего батюшки.

Надя. И я такъ думаю, Платонъ Алексѣичъ; но... (молчитъ).

Клементьевъ. Что, Надежда Всеволодовна?

Надя. Я сказала вамъ, Платонъ Алексѣичъ, у меня странныя мысли объ этомъ...

Клементьевъ. Говорите, нужды нѣтъ; покажутся-ли онѣ мнѣ вѣроятны, или нѣтъ, вы не можете ждать отъ меня насмѣшки.

Надя. Ваша правда. Если я и ошибаюсь, мои мысли внушены мнѣ любовью къ матери, тутъ не можетъ быть ничего смѣшнаго. Тотъ, котораго называютъ моимъ отцомъ — Всеволодъ Серпуховъ, — онъ не могъ быть моимъ отцомъ. Говорятъ, онъ былъ человѣкъ съ благороднымъ характеромъ, — и должно быть, это правда, когда моя мать такъ любила его, что поѣхала къ его роднымъ послѣ его смерти. Такой человѣкъ не могъ бы имѣть любовницею любимую женщину и если бъ онъ былъ мой отецъ, моя мать была бы законною его женою.

Клементьевъ. Но быть можетъ, они не могли повѣнчаться. Быть можетъ, онъ былъ женатъ.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Или ваша матушка уже имѣла мужа.

Надя. Такой человѣкъ не могъ обольщать чужихъ женъ, и моя мать не могла измѣнить мужу.

Клементьевъ. Это слишкомъ большое незнаніе жизни; иногда и самыя лучшія люди отступаютъ отъ правилъ житейскаго порядка. Это не безславіе; когда то необходимо и когда наши побужденія чисты.

Надя. Я понимаю, Платонъ Алексѣичъ. Но я не хочу вѣрить тому ни о моей матери, ни о честномъ человѣкѣ, котораго называютъ моимъ отцомъ. Она не была его любовницею, онъ не имѣлъ любовницы, — такъ я хочу вѣрить, Платонъ Алексѣичъ. Я хочу вѣрить, что мой отецъ былъ мужъ моей матери, что они были бѣдны, что мой отецъ умеръ, что благородный человѣкъ, котораго напрасно называютъ моимъ отцомъ, былъ другъ ихъ и когда моя мать, — беременная мною, потеряла мужа и осталась безъ куска хлѣба, онъ сталъ заботиться о вдовѣ, — а когда сталъ умирать самъ, просилъ своихъ родныхъ не отказать въ пріютѣ бѣдной беременной вдовѣ его друга. (Печально улыбается) Вы видите, какую неправдоподобную исторію придумала я, чтобы сохранить полное уваженіе ко всѣмъ, кого люблю. Вы скажете: а мое отчество, Всеволодовна, — какъ же это? Я и на это придумала отвѣтъ: моя мать уже умерла, когда крестили меня; кто могъ вѣрить, что молодой человѣкъ, покровитель молодой женщины, не любовникъ ея? Если она и сказывала имя истиннаго моего отца, они всѣ подумали: она лжетъ, — и когда выбирали для меня отчество, выбрали не по ея словамъ, а по своей увѣренности. Скажите, все это неправдоподобно?

Клементьевъ. Неправдоподобно. мой другъ; но нѣтъ надобности находить это вѣроятнымъ, чтобы сохранить полное уваженіе къ вашей матери и Всеволоду Серпухову — кто бы ни былъ онъ вамъ, отецъ или нѣтъ.

Надя. Вотъ, я и впередъ знала, что вы не повѣрите. А все-таки, я остаюсь

убѣждена, что Всеволодъ Серпуховъ не былъ моимъ отцомъ, и что я вовсе не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Клементьевъ (*помолчавши*) То, что вы придумали, мой другъ, неправдоподобно. И однако жъ это можетъ быть правдою. Ваши доказательства вовсе не убѣдительны: они основаны только на чувствѣ, и даже меньше, нежели на чувствѣ: только на предубѣжденіи. Но мнѣ пришло въ голову: какъ же въ самомъ дѣлѣ поѣхала бы ваша мать къ роднымъ Всеволода Серпухова, если бы была его любовницею? Это нравственная невозможность. Да, я вижу: исторія вашей матушки понятна только при томъ предположеніи, какое дѣлаете вы. Да, я самъ почти готовъ сказать, что вы не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ. Но скоро ли, наконецъ, придетъ эта любительница рыбочекъ и козявочекъ?

Надя. Платонъ Алексѣичъ, я не хочу, чтобы вы говорили съ нею. Рѣшительно, я не хочу идти за васъ.

Клементьевъ. Почему же вы не хотите, когда любите меня?

Надя. Мы довольно говорили объ этомъ.

Клементьевъ. Нѣтъ, мало. Въ вашихъ словахъ попалась мнѣ фраза, что вы не жалуетесь на свою судьбу, что вамъ жить лучше, нежели многимъ другимъ.

Надя. Что жъ, это правда, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Вотъ въ этомъ-то вашемъ довольствѣ и заключается истинная причина того, что вы не соглашаетесь на мою просьбу. Мысли о неудобствахъ неравнаго брака, — справедливыя ли, нѣтъ ли, не имѣли бы сами по себѣ большого вѣса. Но вы думаете, что вамъ здѣсь хорошо, и вы боитесь потерять это хорошее положеніе.

Надя (*подумавъ*) Правда, Платонъ Алексѣичъ. Я сама не замѣчала, что это главная причина. Но точно, она главная. Страшно и неблагоразумно рѣшаться на перемѣну судьбы, какъ судьба хороша.

Клементьевъ. Такъ. Но вы ошибаетесь въ томъ, что примѣняете это правило къ себѣ. Развѣ вамъ хорошо жить?

Надя. Хорошо, Платонъ Алексѣичъ. Вы самъ видите, всѣ эти люди добры ко мнѣ.

Клементьевъ. При постороннихъ.

Надя. И безъ постороннихъ. Никто не дѣлаетъ ни малѣйшей непріятности мнѣ.

Клементьевъ. Увѣряйте.

Надя. Разумѣется, невозможно жить на свѣтѣ совершенно безо всякихъ непріятностей. Но если бы кто хотѣлъ обидѣть меня, всѣ боятся, потому что Агнеса Ростиславовна очень расположена ко мнѣ и я справедливо люблю ее.

Клементьевъ. Я и не имѣю ничего противъ вашей любви къ ней: она добрая женщина, я самъ готовъ защищать ее отъ лишнихъ порицаній. Но она прихотница, — ей нечего дѣлать, — я вижу, какую бѣготню ежеминутно подымаетъ она отъ бездѣлья. Когда такая суетня съ нею каждому изъ нихъ, сколько же хлопотъ вамъ, ея горничной?

Надя. Я и не хочу скрывать, Платонъ Алексѣичъ: мнѣ очень много хлопотъ. Но жить можно.

Клементьевъ. Но завидна ли такая жизнь?

Надя. Дѣло не о томъ, завидна ли; только сносна ли. Когда сносна, человекъ моего состоянія долженъ имѣть одно желаніе: пусть продлится такъ, не было бы хуже.

Клементьевъ. Апатія невольничества, Надежда Всеволодовна.

Надя. Скажите проще, Платонъ Алексѣичъ: для меня не совсѣмъ понятно слово апатія.

Клементьевъ. Робость, трусливость рабовъ.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ: только благоразуміе бѣдныхъ людей. Но кто-то идетъ. Дайте же мнѣ слово, что не будете говорить съ Агнесою Ростиславовною.

Клементьевъ. Буду говорить, Надежда Всеволодовна. (*Входитъ Иннокентіевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Тѣже, Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ. Продолжимъ нашу прерванную бесѣду. Ты должна, милая Наденька, слышать отъ меня совѣты, внушаемые искреннимъ расположеніемъ...

Клементьевъ. Мы съ Надеждою Всеволодовною не сомнѣваемся въ немъ, но не беспокойтесь за наше благоразуміе: мы оба будемъ молчать о ея родствѣ съ Агнесою Ростиславовною.

Иннокентіевъ. Честное слово?

Клементьевъ. Извольте, честное слово.

Иннокентіевъ. Не только за себя, но и за нее?

Клементьевъ. И за нее.

Иннокентіевъ. Ну, и слава Богу! И прекрасно! Милая Наденька, Агнеса Ростиславовна сейчасъ прійдетъ, подогрѣты ли духи и вода?

Надя. Подогры.

Иннокентіевъ. А чисты ли у тебя руки?

Надя. Чисты.

Иннокентіевъ. Нѣтъ, лучше покажи (*смотритъ руки ея, въ особенности ладони*). Хорошо, чисты; теперь я спокоенъ. Иди теперь туда, гдѣ тамъ эти духи и миса, и стой и будь готова принести по первому зову. (*Надя уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 17.

Клементьевъ. Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ. Ну, слава Богу, Платонъ Алексѣичъ, что ваши поступки и слова будутъ благоразумны и пріятны Агнесѣ Ростиславовнѣ. Но должно привести и самыя ваши чувства къ ней въ болѣе полное соотвѣтствіе съ долгомъ справедливости. Это будетъ легко, потому что вы уже знаете факты, надобно только истолковать вамъ ихъ нравственное значеніе. Къ дядѣ пріѣзжаетъ любовница племянника, — какъ принимаютъ подобныхъ женщинъ люди, справедливо негодующіе на ихъ развратъ и проклинающіе вредное ихъ вліяніе на судьбу своихъ молодыхъ родныхъ? Но отецъ Агнесы Ростиславовны принимаетъ мать Нади съ великодушнымъ гостепріимствомъ — какая возвышенность души, не правда ли? — вмѣсто вражды, — любовь; вмѣсто побіенія камнями — кусокъ хлѣба, и не только кусокъ хлѣба, всѣ удобства жизни, почти до роскоши. Мало того: чтобы бѣдная преступница могла забыть гнусность своего разврата, запрещается говорить о

томъ, кто она. Многіе догадываются, но всё молчатъ, соблюдая великодушную волю господина. Она умираетъ, къ нравственному стасію своей малютки дочери, которая спасена тѣмъ отъ ея гибельнаго вліянія, — и господинъ, видя въ томъ перстъ провидѣнія, съ мужественнымъ благородствомъ вводитъ своихъ домочадцевъ на стезю новаго великодушія, тѣмъ указываемую. Малютка не будетъ знать о своемъ позорномъ происхожденіи, отъ юной души будетъ скрытъ всеобщимъ молчаніемъ стыдъ ея матери! — Умираетъ великодушный хранитель первыхъ лѣтъ Нади, власть переходитъ къ молодой и нѣжной женщинѣ, — что же? — о, конечно, она уступитъ стыдливому возмущенію своего скромнаго сердца. Тѣ зрѣлица, которыя переносить старецъ, привыкшій видѣть порочность людей, наполняютъ невыносимымъ негодованіемъ душу юную, деликатную и чистую. Но и Агнеса Ростиславовна твердою стопою идетъ по стезѣ отца! И у нея, слабой женщины, достаетъ силы молчать и ласкать, подавляя всё свои справедливейшія чувства стыдливаго отвращенія отъ порока и порочныхъ воспоминаній, которыхъ символомъ служить Надя. Откуда эта сила сердца, великодушнаго до высоты, едва постижимой? Откуда?! Отъ ангельской природы этого воплощеннаго милосердія! О, Боже! Какъ велика милость Твоя къ намъ, что Ты даешь намъ на землѣ предвкусить сладость общежитія съ существами небесными! (*Въ промежуткахъ самыхъ возвышенныхъ терминовъ сморкается*). О, милый другъ, Платонъ Алексѣичъ! Слезы текутъ изъ глазъ моихъ, и я не видя лица твоего сквозь туманъ ихъ потоковъ, знаю: также плачешь отъ умиленія и ты! Блаженны плачущіе такими слеза... (*Начинаетъ реветъ, закрываясь платкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣже. Агнеса Ростиславовна и Городищевъ.

(*Идутъ. Она опираясь на его руку и съ нѣжнымъ восхищеніемъ смотритъ на кончикъ указательнаго пальца другой его руки, — всѣ пальцы этой (лѣвой) его руки сложены, торчитъ прямо одинъ указательный, который держится вверхъ недалеко отъ носа Агнесы Ростиславовны, и самъ Городищевъ смотритъ на этотъ кончикъ своего пальца*).

Агнеса Ростиславовна (*смотря на кончикъ указательнаго пальца лѣвой руки Городищева, умильно*) Козявочка, козявочка.

Городищевъ (*смотря на тотъ же пунктъ недалеко отъ носа Агнесы Ростиславовны, сладко говоритъ на расплѣвъ*).

Скоморохъ, скоморохъ,
Полети на горохъ!

(*съ тихою радостью, прозой*) Полетѣль.

Агнеса Ростиславовна (*съ томнымъ восторгомъ*) Полетѣль, полетѣль! (*Между тѣмъ подходятъ къ дивану, Агнеса Ростиславовна возлегаетъ на него*).

Агнеса Ростиславовна (*томно*) Устала *).

Городищевъ. Я опасуюсь, не почувствовали ли, Агнеса Ростиславовна, что подлѣ рѣвки сыро.

*) Далѣе, вся сцена натирація ногъ Агнесы Ростиславовны (явленія 19 и 20) въ рукописи зачеркнута.

Агнеса Ростиславовна. Да. Но кажется, я не замочила подоль.

Городищевъ. Надобно принять предосторожности противъ простуды ногъ. Вѣроятно, оттого и усталость у васъ, Агнеса Ростиславовна, что ноги нѣсколько чувствуютъ простуду.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Наденька!

ЯВЛЕНІЕ 19.

Тѣже. Надя (несетъ мису, потомъ несетъ чашку съ духами).

Городищевъ. Наденька, опустите ваши руки въ теплую воду, — или погодите (смотритъ на Агнесу Ростиславовну) Погодите, Наденька, я самъ... (Смотритъ на Агнесу Ростиславовну) Я самъ... прежде попробую воду (опускаетъ руки въ мису. Подбѣгаетъ къ Агнесѣ Ростиславовнѣ. Тутъ въ немъ мученіе страшнаго колебанія: какъ это понравится Агнесѣ Ростиславовнѣ? А она не возьметъ въ толкъ съ-разу, что у него на умѣ) Наденька, погодите (смотритъ на Агнесу Ростиславовну, которая все время умильно поводитъ глазами и немножко носомъ).

Городищевъ (подбѣгая къ Клементьеву) Добрый другъ, прошу васъ, — выйдите на минутку въ садъ, — Агнесѣ Ростиславовнѣ необходимо принять гигиеническія предосторожности. Послѣ я представлю ей васъ. Сидоръ Иванычъ, будьте добръ, погуляйте съ Платономъ Алексѣичемъ. (Клементьевъ и Иннокентьевъ уходятъ).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, я подумалъ, что у Нади руки не могутъ быть совершенно мягки, — какъ бы то ни было, она часто держитъ въ нихъ утюгъ; это должно сушить кожу.

Агнеса Ростиславовна (поводитъ носомъ) Да.

Городищевъ (Надя) Милая Наденька, Агнеса Ростиславовна отпускаетъ васъ. Я позову, когда вы будете нужны.

Агнеса Ростиславовна. Да (Надя уходитъ, Городищевъ закрываетъ ноги Агнесы Ростиславовны одѣяломъ и опускаетъ руки въ мису).

ЯВЛЕНІЕ 20.

Агнеса Ростиславовна. Городищевъ (съ руками въ мисѣ).

Агнеса Ростиславовна (все томно) Милый.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, если бы вы знали, какъ трепетало мое сердце, когда я рѣшился замѣнить въ этомъ случаѣ Надю, — я зналъ, что мои руки мягче, что я менѣе Нади раздражу треніемъ ваши нѣжные нервы, что мои руки легче исполнять эту манипуляцію, — но... когда я думалъ объ этомъ, мое сердце такъ трепетало...

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ (отираетъ руки, становится на колѣна у ногъ Агнесы Ростиславовны, засовываетъ руки подъ одѣяло. Агнеса Ростиславовна постепенно повертывается съ боку на спину. Онъ вытаскиваетъ изъ-подъ одѣяла башмачки, потомъ подвязки, потомъ чулки) Довольно ли ловко я разуваяю, Агнеса Ростиславовна? Я боюсь, не грубо ли я касаюсь.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ, нѣжно; нѣжно; да, нѣжно.

Городищевъ (опять къ мисѣ, снова опускаетъ руки).

Агнеса Ростиславовна. Милый... Что же Клементьевъ? Зачѣмъ?

Городищевъ. Хочетъ жениться, а денегъ мало; пріѣхаль попросить у васъ.

Агнеса Ростиславовна. Я дамъ ему. Я люблю дѣлать счастливыхъ.

Городищевъ (*между тѣмъ подошедшій опять, ставшій на колѣна, лѣтъ на руки души, запускаетъ руки подъ одѣяло*) Простите мою дерзость, Агнеса Ростиславовна, но я считаю необходимымъ для вашего здоровья натереть вамъ ноги по крайней мѣрѣ до половины икръ.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ.

Городищевъ. Простите мою дерзость. Это необходимо (*лѣтъ опять души и засовываетъ руки*).

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ, — нѣтъ.

Городищевъ (*переступаетъ на колѣнахъ повыше отъ ея ступней*) Довольно ли еще теплы мои руки?

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ (*опять лѣтъ души и передвигается еще*) Конечно, онъ будетъ раскаяваться, но это долгъ чести.

Агнеса Ростиславовна. Да — довольно (*кладетъ руки вмѣстѣ на своихъ ногахъ*).

Городищевъ. Нѣтъ, Агнеса Ростиславовна, навлеку на себя вашу гнѣвъ, но ваше здоровье для меня дороже не только моего спокойствія, даже вашихъ собственныхъ желаній.

Агнеса Ростиславовна. Милый... но довольно.

Городищевъ (*встаетъ*) Не совѣмъ довольно, Агнеса Ростиславовна, но не смѣю ослушаться васъ (*цалуетъ руки ея, лежащія вмѣстѣ на ногахъ*).

Агнеса Ростиславовна. Благодарю васъ, милый... поцалуйте меня. (*Городищевъ благоговѣнно цалуетъ, она только съ нѣжностью держитъ рыло подъ поцалуемъ, сама не двигая губами, а только томно закрываетъ глаза*).

Агнеса Ростиславовна. Милый... позовите.

Городищевъ. Позвольте мнѣ самому и обуть васъ.

Агнеса Ростиславовна. Пусть... Надя.

(*Городищевъ становится на колѣна и обуываетъ, все это подъ одѣяломъ. Она все держитъ руки сложенными на ногахъ*).

Агнеса Ростиславовна. Милый, благодарю... поцалуйте меня еще (*поцалуй въ прежнемъ порядкѣ*). Милый... Теперь, позовите (*закрываетъ глаза и лежитъ такъ*).

Городищевъ. Наденька (*Надя входитъ и выноситъ мису, — потомъ чашку, а между тѣмъ Городищевъ выходитъ въ другую дверь, возвращается, за нимъ входятъ Клементьевъ и Иннокентіевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 21.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Иннокентіевъ, Клементьевъ.

Агнеса Ростиславовна (*томно раскрывая глаза*) Клементьевъ, я рада снова видѣть васъ (*раздвигаетъ руки такъ, что онъ ложатся вытянутыя каждая по своей ногъ, и немного приподнимаетъ кисть той руки, къ которой ближе приложиться Клементьеву*).

Городищевъ истолковываетъ Клементьеву этотъ жестъ глазами, а Инно-

кентиевъ подталкиваетъ Клементьева, чтобы шелъ приложиться. Шепчетъ— Что же вы, идите).

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (шевелитъ приподнимаемой кистью).

ГОРОДИЩЕВЪ (будто шепчетъ Клементьеву, но чтобы слышала Агнеса Ростиславовна) Вы слишкомъ робокъ; подойдите къ Агнесѣ Ростиславовнѣ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Не бойтесь меня (приподымаетъ руку, — Городищевъ подводитъ Клементьева, тотъ по необходимости не дѣлаетъ скандала, подходитъ и целуетъ).

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Вы давно... Андрей Дементьичъ, вы скажите ему мои мысли.

ГОРОДИЩЕВЪ. Вы странствовали очень долго, Платонъ Алексѣичъ; вы слишкомъ долго зажились на чужбинѣ.

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Раньше не могъ вернуться. Заѣхалъ далеко, а денегъ у меня не было; да и хотѣлось побольше присмотрѣться, какъ живутъ люди тамъ, гдѣ лучше, нежели у насъ.

ГОРОДИЩЕВЪ (торопливо дополняетъ) Климать и фрукты, въ особенности же птички: райскія птицы, поугаи, колибри.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Милыя птички. Гдѣ?

ГОРОДИЩЕВЪ. Агнеса Ростиславовна чрезвычайно любитъ поугаевъ, — и дѣйстви-тельно ничто не можетъ сравниться съ прелестью и яркостью перьевъ, которыми украшены эти милыя существа, — ничто, кромѣ лица, озареннаго свѣтомъ гуманной мысли.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Да.

ГОРОДИЩЕВЪ. Выразивъ свое сочувствіе къ этимъ невиннымъ и прекраснымъ существамъ, Агнеса Ростиславовна желала также знать, гдѣ именно провели вы эти годы, Платонъ Алексѣичъ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Да.

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Больше всего я жилъ въ Новой Англіи и въ западныхъ штатахъ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Это.

ГОРОДИЩЕВЪ. Агнеса Ростиславовна хочетъ сказать, что это въ Сѣверной Америкѣ, и что она любитъ сѣверо-американцевъ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Почему?

ГОРОДИЩЕВЪ. Агнеса Ростиславовна желаетъ знать, почему же именно вы больше всего жили тамъ (Агнеса Ростиславовна поводитъ носомъ) и просить васъ при-сѣсть, Платонъ Алексѣичъ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Да. (Всѣ садятся).

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Я сказалъ, почему: было интересно получше узнать то общество. Кромѣ того у меня не было денегъ, а тамъ нуждаются въ работникахъ и хорошо платятъ имъ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Да; но...

ГОРОДИЩЕВЪ. Агнеса Ростиславовна справедливо замѣчаетъ, что однако же нигдѣ такъ не уважается и не награждается трудъ, какъ у насъ (молчаніе).

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Я пріѣхалъ сюда по дѣлу, которое очень важно для меня, и хочу обратиться къ вамъ, Агнеса Ростиславовна, съ просьб...

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Послѣ; я очень утомлена; послѣ; Андрей Дементьичъ передастъ мнѣ; сдѣлаю для васъ все. Андрей Дементьичъ, Надю.

ГОРОДИЩЕВЪ (бѣжитъ, кричитъ:) Наденька (входитъ Надя).

ЯВЛЕНИЕ 22.

Тѣже. Надя.

Агнеса Ростиславовна. Брильянты. Показать (*Надя хочетъ идти, но оста-навливается выслушать Городищева*).

Городищевъ. Вы поняли, милая Наденька? Агнеса Ростиславовна приказываетъ вамъ принести ея брильянты. Агнеса Ростиславовна желаетъ показать ихъ Платону Алексѣичу Клементьеву.

Надя. Понимаю. (*Уходитъ, возвращается съ коробочками*).

Городищевъ. Платонъ Алексѣичъ, подойдите поближе къ Агнесѣ Ростиславовнѣ смотрѣть брильянты. (*Агнеса Ростиславовна на-половину привстаетъ, сама смотрѣть и показывать. У ея ногъ группа изъ Нади, которая вынимаетъ для нея вещички изъ коробочекъ, Клементьева и Иннокентьева. Иннокентьевъ съ умиленіемъ восклицаетъ по временамъ: „Прекрасно!“ — „Великолпно!“ Агнеса Ростиславовна томно: „Вотъ“ — и отвѣчая Иннокентьеву: „Да“.* Городищевъ между тѣмъ третъ лобъ, садится и пишетъ).

Городищевъ (*отводитъ Иннокентьева въ сторону, и подавая бумажку, шопотомъ*) Будьте добръ, Сидоръ Иванычъ, найдите Сёмку, отдайте. Мотивы приищеть самъ. Пѣть подъ окномъ.

Иннокентьевъ. Хорошо (*уходитъ и потомъ возвращается*).

Агнеса Ростиславовна. Скучно. Блескъ (*томно отводитъ рукою брильянты. Надя закрываетъ коробочки и хочетъ уйти*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна хочетъ сказать, что суетный блескъ пересталъ занимать ее.

Клементьевъ. Агнеса Ростиславовна, позвольте мнѣ просить васъ выслушать...

Агнеса Ростиславовна. Устала.

Городищевъ. Наденька, Агнеса Ростиславовна приказываетъ вамъ принести ликерныя конфекты, которыя подкрѣпятъ ее (*Надя идетъ. Въ это время, подъ окномъ, — пѣсня*).

Пѣсня рыбака.

(*поетъ Сёмка подъ окномъ*).

Тихимъ плескомъ свѣтлыхъ водъ	}	Andante piano.
Всколыхалася рѣка		
Переливы дивныхъ нотъ		
Нѣжатъ сердце рыбака:		
Рыбка рыбку шевелить	}	Scherzando.
Рыбка рыбкѣ говорить:		
Бѣдъ промчались облака:	}	Allegro.
Благотворная рука		
Накормила насъ.		
Радость наша велика;		
Превращается рѣка		
Въ танцовальный классъ.		

(При первых звуках, Агнеса Ростиславовна оживает и мгновенно спадает въ сладостное томленіе, опускаясь на подушки мордою къ верху, задирая носъ и закрывая глаза. — Иннокентіевъ тихо разводитъ руками и покачивается въ тактъ. Онъ, какъ и всегда, въ искреннѣйшемъ восторгѣ. — Городищевъ, пока Агнеса Ростиславовна не видитъ, пожмаетъ плечами, дѣлая Клементьеву мины, говорящія: „Видите, какова моя жизнь!“ — а когда въ концѣ пьнія Агнеса Ростиславовна открываетъ глаза, у него уже готовъ платокъ и онъ утираетъ слезы умиленія).

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (возвращаясь къ жизни) Мило, мило. Гдѣ онъ? Иду. Городищевъ (подбѣгая къ окну) Добрый рыбакъ не уходи. Ты будешь награжденъ за твою простодушную пѣсенку.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (встаетъ при помощи Городищева и уходитъ, опираясь на его руку. Иннокентіевъ уходитъ за ними).

ЯВЛЕНІЕ 23.

Клементьевъ. Надя.

НАДЯ. Если вы скажете Агнесѣ Ростиславовнѣ, — я уйду, — я убѣгу, — я брошусь въ рѣку. Мнѣ житья не будетъ. Агнеса Ростиславовна будетъ гнѣваться. Всѣ они будутъ ѣсть меня. Лучше, утопиться: не говорите, утоплюсь.

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Надежда Всеволодовна, да если бѣ она и стала сердиться, можно избѣжать бѣды иначе: уйдете отъ нея не въ рѣку, а вмѣстѣ со мною вѣнчаться.

НАДЯ (образумливаясь) Въ самомъ дѣлѣ я говорю какъ сумасшедшая. Но я не поступлю противъ ея воли. Она моя благодѣтельница и я люблю ее. Не могу быть неблагодарной. Не могу покинуть ее. Я необходима для нея.

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Она согласится на нашу свадьбу, вы увидите.

НАДЯ. Нѣтъ. Молчите, умоляю васъ. Я не должна, не могу покинуть ее. А она не будетъ добра ко мнѣ по прежнему, когда будетъ думать, что я хотѣла быть такою неблагодар...

ЯВЛЕНІЕ 24.

Тѣже. Входятъ Городищевъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Что за шельма этотъ подлецъ Сѣмка! Увѣряетъ, что въ самомъ дѣлѣ рыбки въ рѣкѣ плаваютъ веселѣе прежняго. Выманилъ у нея пять рублей, совсѣмъ заговорилъ ее, отпустила меня. Хоть на минуту можно подумать о чемъ-нибудь дѣльномъ. Въ чемъ же ваша просьба къ ней, Клементьевъ?

КЛЕМЕНТЬЕВЪ. Я люблю Наденьку (она хочетъ уйти, онъ удерживаетъ ее). Она не пойдетъ за меня безъ согласія Агнесы Ростиславовны, помогите мнѣ упростить Агнесу Ростиславовну.

ГОРОДИЩЕВЪ. Вы хотите жениться на Наденькѣ? — горничной, — нищей? (Одинъ мигъ стоитъ въ изумленіи. Потомъ горячо и искренно) Но что же я! Наденька умная, благородная дѣвушка (Надя вырывается изъ руки Клементьева и убѣгаетъ). Я понимаю, что можно полюбить ее. Вы умный человекъ, Клементьевъ. Вашъ выборъ прекрасенъ. Добьюсь ея согласія на вашу свадьбу. Вы честный че-

ловѣкъ, я уважаю васъ, ваше счастье будетъ радовать меня, — еще милѣе мнѣ будетъ видѣть счастье Наденьки, — потому что — вамъ извѣстны мои отношенія къ Агнесѣ Ростиславовнѣ, — я привыкъ считать Наденьку почти за родную мнѣ, — конечно вы знаете: она родственница Агнесы Ростиславовны. Вѣрите мнѣ, я искренно люблю Наденьку.

Клементьевъ. Вѣрю и благодарю васъ. Я осуждаю васъ за многое, Городищевъ...

Городищевъ. Какъ бы ни осуждали, не можете осуждать болѣе горько, нежели я самъ.

Клементьевъ. Но я вижу теперь, въ глубинѣ души вы все-таки добрый и благородный человѣкъ.

Городищевъ. Надѣюсь, что такъ; и докажу вамъ это. Клементьевъ, если бы моя судьба была иная, — если бы моя молодость, — быть можетъ, и моя слабость, — и красота этой женщины, и ея доброта, — потому что при всей своей пустотѣ и пошлости она очень добра, — если бы все это не увлекло меня, то и я, быть можетъ, умѣлъ бы пройти путь жизни безукоризненно. Теперь, мнѣ остается одно утѣшеніе, одно оправданіе: я унижаюсь не безъ пользы для другихъ, — и потому безчестье мое, — если вы называете это угодничество безчестнымъ, — не лишено и правъ на имя честной, — трудной, о, трудной! — но честной службы людямъ, судьба которыхъ зависитъ отъ... *(Входитъ Агнеса Ростиславовна, опираясь на руку Иннокентіева, и Городищевъ мгновенно обращается въ лакея).*

ЯВЛЕНИЕ 25.

Тѣже. Иннокентіевъ, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна *(возлегая)* Мило... Мило... устала... благодарю васъ, Андрей Дементьичъ, за этотъ милый сюрпризъ *(приподнимаетъ руку, чтобы онъ приложился. Онъ прикладывается).*

Городищевъ *(прикладываясь)* Вы напрасно приписываете мнѣ заслугу этого сюрприза, Агнеса Ростиславовна. Добрый старичокъ повиновался тутъ единственно внушенію своей простодушной любви къ вамъ.

Агнеса Ростиславовна. Не отпирайтесь. Онъ признался мнѣ во всемъ *(опять приподымаетъ руку. Городищевъ опять прикладывается).*

Городищевъ. Если такъ, вы могли по крайней мѣрѣ видѣть, какъ искренно счастливъ онъ мыслю, что его самородный и наивный талантъ могъ доставить вамъ минуту удовольствія.

Агнеса Ростиславовна. Да. Добрый старичокъ. Искренно любить меня. Я счастлива любовью этихъ милыхъ, безхитростныхъ дѣтей природы.

Городищевъ. Обожать благодѣтельницу — и обязанность и въ то же время самая сладкая радость осчастливливаемыхъ вами.

Агнеса Ростиславовна. Да. *(Снова приподымаетъ руку. Онъ снова прикладывается).*

Городищевъ. Вамъ предстоитъ выслушать признательность преданности, еще болѣе пылкой, — отъ человѣка, который нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, — ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не встрѣчалъ такого нѣжнаго и благотворительнаго сердца.

Агнеса Ростиславовна. Да. Клементьевъ, я сдѣлаю для васъ все. Андрей Дементьичъ, о чемъ онъ просить?

Клементьевъ. Я прошу вашего согласія на мою сватьбу съ Надеждою Всеволодовною.

Агнеса Ростиславовна. *(Привставая. Быстро, здоровеннымъ голосомъ)* Какъ? Что? *(ослабѣваетъ и падаетъ)* А-а-ахъ! *(закрываетъ глаза и совершенно умираетъ).*

Городищевъ и Иннокентьевъ *(въ одинъ голосъ)* Наденька! *(Городищевъ ухаживаетъ за совершенно умершею, которая слабо стонетъ, какъ едва-едва живая. Вбѣгаетъ Надя, Городищевъ уступаетъ ей Агнесу Ростиславовну, а самъ отводитъ Клементьева въ сторону).*

ЯВЛЕНИЕ 26.

Тѣже. Надя.

Городищевъ *(торопливо, съ упрекомъ)* Клементьевъ, видите, что вы надѣлали! Вамъ казалось, что я не умѣю сказать за васъ, какъ слѣдуетъ! Нетерпѣніе, — непросительно, милостивый государь, вы не мальчикъ, должны бы понимать, какъ надобно обращаться съ людьми. Такъ только медвѣди гнутъ дуги, какъ вы поступили, сударь. Непросительно, непросительно быть такимъ безтактнымъ, — извините меня, глупцомъ.

Агнеса Ростиславовна *(открывая глаза)* Неблагодарная... отойди... отъ меня... *(умираетъ).*

Надя *(цалуя ея руки)* Агнеса Ростиславовна, простите меня *(падаетъ на колѣна, плачетъ, цалуетъ руки)* Я не соглашалась... Я сказала ему, что лучше утоплюсь, нежели огорчу васъ... Дсбрая Агнеса Ростиславовна, простите меня! *(Цалуетъ руки).*

Агнеса Ростиславовна *(вздыхаетъ, не открывая глазъ, и отнимаетъ у нея свои руки).*

Надя *(не выпуская ея рукъ)* Простите... простите... простите...

Агнеса Ростиславовна *(совершенно умершимъ голосомъ)* Неблагодарная *(вырываетъ руку, по забывчивости о своемъ безсиліи, съ такою силою, что Надя, потерявъ равновѣсіе, ударяется головою о диванъ).*

Надя *(снова лоя руки Агнесы Ростиславовны)* Простите меня... Агнеса Ростиславовна, простите меня.

Агнеса Ростиславовна *(съ закрытыми глазами, отнимаетъ свои руки, — и такъ какъ здоровенная баба, то каждый разъ успѣваетъ вырвать).*

Городищевъ *(между тѣмъ, нѣсколько успокоиваясь)* Непросительно, Клементьевъ, извините, — вы глупецъ, глупецъ, какихъ мало. Впрочемъ, это понятно. Искренняя любовь неразсчитлива, а минуты ожиданія кажутся цѣлыми годами, годами пытки. Идите въ садъ, оставьте меня одного съ Агнесою Ростиславовною, *(тихо)* можетъ быть и удастся поправить вашу ошибку. Не ручаюсь. Дѣло плохо. Но можетъ быть. — Сидоръ Иванычъ, уведите его.

Иннокентьевъ. Платонъ Алексѣичъ, пойдемте же. Эхъ, право, что вы надѣлали *(уводитъ Клементьева).*

ЯВЛЕНИЕ 27.

Агнеса Ростиславовна, Надя, Городищевъ.

Городищевъ (*отводитъ Надю отъ Агнесы Ростиславовны*) Прочь отсюда, неблагодарная, безчувственная! Твой видъ убиваетъ Агнесу Ростиславовну. (*Уводитъ ее въ дверь во внутреннія комнаты, въ дверяхъ шепчетъ ей*) Не бойся, мой дружокъ, Наденька, поправлю все какъ нибудь. Молись Богу.

ЯВЛЕНИЕ 28.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ.

Городищевъ (*подходитъ къ Агнесѣ Ростиславовнѣ, становится на колѣни*) Бѣдная страдалица! (*Агнеса Ростиславовна лежитъ умершая*) Любить людей, благодѣтельствовать имъ, жить только для счастья другихъ—и вотъ награда за то! Бѣдная страдалица! (*Беретъ ее руку*).

Агнеса Ростиславовна (*отдергивая руку, иньвно*) Отойдите отъ меня! Не умѣли предупредить!

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, ударъ, поразившій васъ, тяжелъ; Богъ послалъ вамъ жестокое испытаніе.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Она уже сознала передъ вами свою вину. И вы слышали, что она не хотѣла этого. Она такъ любитъ васъ, что жертвуетъ для васъ Клементьевымъ, жертвуетъ съ радостью, съ восторгомъ. Ваша улыбка дороже для нея счастья всей жизни.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Она сказала вамъ, что если вы отдадите ее Клементьеву, она утопится.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Она добрая дѣвушка, она хорошо понимаетъ свои обязанности къ вамъ и хочетъ остаться вѣрна имъ, хотя бы это стоило ей жизни.

Агнеса Ростиславовна (*постепенно оживавшая, впадаетъ въ сантиментальность*) Она любитъ меня; она хорошая дѣвушка; я награжу ее. Я сдѣлаю ее счастливою. Позовите этого человѣка.

Городищевъ. Великодушная, милосердая! Вы дѣлаете счастливыми ихъ,—а я, преступный,—я не долженъ роптать, —вашъ гнѣвъ заслуженъ мною.

Агнеса Ростиславовна. Я прощаю (*приподымаетъ руку. Онъ прикладывается*) Милый, вы плачете?

Городищевъ. Нѣтъ.

Агнеса Ростиславовна. Ваши слезы упали на мою руку.

Городищевъ. Неужели? Я старался удерживать ихъ.

Агнеса Ростиславовна. Милый, вы любите меня. Поцалуйте меня (*онъ прикладывается къ ея губамъ*). Милый, напишите мои мысли, я прочту ему. Она остается моею горничною. Я скажу ей сама.

Городищевъ. Остается вашею горничною? Но, Агнеса Ростиславовна, согласится ли онъ, и удобно ли будетъ для нея?

Агнеса Ростиславовна (*молча смотритъ на него*).

Городищевъ (*отчасти оробѣвъ*) Агнеса Ростиславовна, я думалъ всего больше о вашемъ удобствѣ. Замужняя горничная не можетъ безраздѣльно отдавать всѣ свои мысли на службу своей госпожи, потому.

Агнеса Ростиславовна. Милый, вы не любите меня.

Городищевъ. Простите меня, Агнеса Ростиславовна, я согласенъ, что мои замѣчанія были неосновательны и неумѣстны.

Агнеса Ростиславовна. Да. Напишите же мои мысли.

Городищевъ (*садится и пишетъ. Подаетъ ей*).

Агнеса Ростиславовна (*читаетъ*) Да. Теперь позовите этого человѣка. (*Городищевъ уходитъ. Она прикладываетъ платокъ къ глазамъ*).

ЯВЛЕНИЕ 29.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Клементьевъ.

Агнеса Ростиславовна. Я плакала. Слезы мѣшаютъ мнѣ говорить. Андрей Дементьичъ, прочтите Клементьеву (*подаетъ бумажку Городищеву*).

Городищевъ (*читаетъ*) „Вы огорчили меня, Клементьевъ. Но я люблю мою Надю и не могу помнить зла:— Я не могу жить безъ нея, и она не соглашается разстаться со мною. Я позволяю ей выйти за васъ и оставляю ее при себѣ. Вы едва не убили меня. Вы не знаете женскаго сердца. Вы могли бы убить ее такимъ обращеніемъ. Я должна сама приготовить ее къ перемѣнѣ ея судьбы. Пропу васъ не мѣшать мнѣ въ этомъ. Ваше присутствіе было бы излишнимъ и могло бы быть вреднымъ, и для васъ самого и въ особенности для Наденьки. Вы будете приглашенъ принять ее изъ моихъ рукъ, когда она будетъ приготовлена мною отдать вамъ свое сердце“.

Агнеса Ростиславовна (*наклоняетъ голову въ знакъ того что это ея мысли и приподымаетъ свободную руку, не отнимая платка отъ глазъ*).

Клементьевъ (*стоитъ озадаченный*) Какъ? Она должна остаться вашею горничною?

Городищевъ (*шопотомъ*) Не спорьте. Лишь бы повѣнчаться; тогда увидимъ, какъ лучше.

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьичъ, подойдите ко мнѣ. Вы что-то шептали ему. Что? (*Городищевъ идетъ, бросивъ на Клементьева взглядъ, говорящій: не выдавай же меня этой дурѣ*).

Клементьевъ. Я вполне согласенъ, чтобы моя жена оставалась вашею горничною, пока будетъ находить это удобнымъ для себя, и благодарю васъ за согласіе на нашу свадьбу (*Городищевъ дѣлаетъ ему знакъ, чтобы онъ приложился. Онъ подходитъ, прикладывается*).

Городищевъ. Теперь вы должны удалиться, Клементьевъ. Мы пригласимъ васъ, когда Надя будетъ приготовлена видѣть васъ.

Клементьевъ (*отошедшій на свое мѣсто*) Когда же?

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна разстроена теперь, и должна отдохнуть прежде нежели возьметъ на себя трудное дѣло объявить Наденькѣ о перемѣнѣ ея судьбы. Я думаю, что мы не можемъ пригласить васъ раньше, нежели какъ часа черезъ два. Вы пока погуляете съ Сидоромъ Ивановичемъ по саду.

Агнеса Ростиславовна. Черезъ два дня. Вы будете ждать въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ.

Клементьевъ. Два дня! Цѣлыхъ два дня! Для чего же такой долгій срокъ?

Агнеса Ростиславовна. Такъ необходимо.

Клементьевъ (*хочетъ возразить, но Городищевъ зажимаетъ ему ротъ*).

Городищевъ. Не спорьте. (*Шепчетъ*) Какъ тутъ спорить изъ за какихъ нибудь двухъ дней? Вы видите, какова эта дура. (*Громко*) Два дня, это самый короткий срокъ. Меньше, невозможно, Клементьевъ. Гдѣ же вы будете жить, чтобы звать, куда прислать за вами?

Клементьевъ. Но...

Городищевъ (*зажимая ему ротъ*) Не будьте же безумцемъ. Вы опять испортите все. Опять огорчите Агнесу Ростиславовну.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Клементьевъ. Хорошо, согласенъ на все. Буду жить на сосѣдней станціи.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна такъ добра, что соглашается на это.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ.

Городищевъ. Онъ будетъ жить въ Москвѣ. (*Шепчетъ*) Богъ съ нею, наговоримъ ей даже больше, чѣмъ ей вошло въ голову, лишь бы опять не стала корячиться. Живите, гдѣ хотите, лишь бы не на глазахъ у ней.

Агнеса Ростиславовна. Что вы шепчете?

Городищевъ. Клементьевъ, скажите, что я шепталъ вамъ.

Клементьевъ. Вы требуете, чтобы я жилъ въ Серпуховѣ. Андрей Дементьичъ растолковалъ мнѣ, что я слишкомъ много обязанъ вамъ, и долженъ дѣлать не только все, чего вы требуете, а даже больше. Я уѣду дальше Серпухова, въ Москву.

Агнеса Ростиславовна (*взглядывая на Городищева*) Милый. (*Приподнимаетъ руку. Онъ прикладываетъ. Она Клементьеву*) И вы милый (*приподнимаетъ руку. И онъ прикладываетъ и отходитъ*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна утомлена и просить васъ дать ей отдохнуть. (*Шепчетъ*) Уходите поскорѣе, пока она не выдумала еще чего нибудь.

Агнеса Ростиславовна. Что вы шепчете?

Клементьевъ. Онъ спрашивалъ меня, какія у меня средства къ жизни. Никакихъ.

Агнеса Ростиславовна. Я пристрою васъ. Я найду вамъ мѣсто въ моемъ штатѣ. До свиданія.

(*Онъ раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 30.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ.

Агнеса Ростиславовна. Она останется горничною, онъ можетъ помогать Румянцеву переписывать бумаги, не правда ли?

Городищевъ. Можетъ.

Агнеса Ростиславовна. Слава Богу, что все это устроилось такъ хорошо. А

я такъ боялась. Милый, поцалуйте меня. (*Онъ прикладываетъ*) Я очень довольна вами. Я такъ боялась. Мысль о томъ, что Надя можетъ полюбить кого нибудь, постоянно мучила меня. Что, если бы понравился ей какой нибудь интригантъ? Ужасно и подумать! Но слава Богу, что все устраивается такъ хорошо. Теперь я навсегда безопасна. Милый, поцалуйте меня еще (*онъ опять прикладываетъ*).

Городищевъ. Вы слишкомъ робка, Агнеса Ростиславовна, и слишкомъ нѣжно привязываетесь къ тѣмъ, кого любите. Пусть бы она и отошла отъ васъ, — развѣ нельзя найти другой горничной? При вашемъ богатствѣ, при ангельской, недолжимо привлекательной вашей добротѣ, всякая горничная будетъ обожать васъ. Когда вы привыкнете къ мысли о разлукѣ съ Наденькою, то быть можетъ...

Агнеса Ростиславовна. Ахъ, нѣтъ... Если она выйдетъ изъ подъ моего вліянія... Но теперь этого не будетъ. Онъ смиренъ и глупъ...

Городищевъ (*берется за лобъ. Серьозно*) Агнеса Ростиславовна, мы одни. Позвольте мнѣ просить васъ быть серьезною. Неужели то, что я слышалъ, правда?

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементычъ, вы забываетесь. Я не потерплю такихъ вопросовъ.

Городищевъ (*беретъ и цалуетъ ея руку*) Агнеса Ростиславовна, дѣло слишкомъ важно. Моя искренняя любовь къ вамъ обязываетъ меня узнать истину.

Агнеса Ростиславовна. Я не хочу отвѣчать на дерзкіе вопросы. Вы забываетесь, Андрей Дементычъ.

Городищевъ. Клянусь вамъ честью, я отдалъ бы половину жизни, чтобы услышать отъ васъ, что вамъ нечего опасаться.

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементычъ, вы слишкомъ дерзокъ. Я могу найти другого управляющаго. Прошу васъ оставить меня въ покоѣ. (*Онъ стоитъ*) Вамъ говорятъ: идете вонъ. Я поищу себѣ другого управляющаго. Идите вонъ. (*Онъ стоитъ ошеломленный*) Идите вонъ. (*Умираетъ*).

Городищевъ (*Стоитъ. Берется за лобъ*) Агнеса Ростиславовна, моя любовь къ вамъ.

Агнеса Ростиславовна (*раскрываетъ глаза*). Вонъ, дерзкій нищій! (*Умираетъ*).

Городищевъ (*Становится на колѣна. Беретъ ея руку*).

Агнеса Ростиславовна. Прочь! Вонъ! Или я велю вытолкать васъ (*умираетъ*).

Городищевъ (*стоитъ на колѣнахъ. Смотритъ. Встаетъ. Стоитъ. Дѣлаетъ шагъ, чтобы уйти. Стоитъ. Глубоко вздохнувъ, идетъ вонъ, медленно, съ убитымъ видомъ*).

Агнеса Ростиславовна (*скакиваетъ, бѣжитъ, бросается ему на шею съ воплемъ*) Милый, спаси меня! Я погибла! Я выйду замужъ за тебя, — будь моимъ мужемъ, моимъ господиномъ, только спаси меня!

Городищевъ (*сажаетъ ее. Самъ стоитъ, сложивъ руки на груди*) Агнеса Ростиславовна, не въ первый разъ вы такъ жестоко оскорбляете меня, и все еще не вѣрите искренности моей любви къ вамъ. О, какая любовь нужна, чтобы столько разъ перенести такія обиды. Но пора опредѣлить наши отношенія. Вы даете честное слово повѣнчаться со мною?

Агнеса Ростиславовна. Даю, Андрей Дементычъ.

Городищевъ. Благодарю тебя Агнеса. У тебя несносный характеръ, но я не могу разлюбить тебя. (*Цалуетъ ее. Она осыпаетъ его поцалуями. Онъ отрывается отъ нея*) Довольно, Агнеса. Намъ надобно собраться съ мыслями. Нельзя терять времени. Наше положеніе слишкомъ опасно. Ея мать была законная жена Всеволода Серпухова?

Агнеса Ростиславовна. Да, Андре.

Городищевъ. Правда ли также и то, что твой отецъ уморилъ ея мать голодомъ, чтобы уничтожить свидѣтельство о ихъ сватбѣ?

Агнеса Ростиславовна. Я невинна въ этомъ, Андре. Мнѣ было тогда только шесть или семь лѣтъ. Я не знаю этого.

Госодищевъ. Впрочемъ, это и все равно. Судить за то теперь некого. Убийца, слава Богу, давно умеръ. Я думаю, что тебѣ нечего бояться. Онъ былъ опытный злодѣй, и вѣроятно позаботился разыскать всякіе другіе документы, которыми можно бы доказать ихъ бракъ, — купилъ, укралъ эти документы, уничтожилъ ихъ, и нѣтъ доказательствъ, чтобы отнять у тебя наслѣдство Всеволода Серпухова. (*Молчаніе*).

Агнеса Ростиславовна. Я невинна въ этомъ, Андре.

Городищевъ. Ты невинна. Ты получила наслѣдство послѣ отца, по закону, съ чистой совѣстью.

Агнеса Ростиславовна. Я дамъ ей хорошее приданое, Андре.

Городищевъ. Конечно, Агнеса. (*Молчаніе*)¹⁾.

Агнеса Ростиславовна. Андре, ты говоришь: доказательствъ не осталось, и мнѣ нечего бояться?

Городищевъ. Нечего, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Говори правду, Андре. Не опасайся за мое здоровье. Я могу выслушать правду.

Городищевъ. Я не опасуюсь за твое здоровье. Я знаю, что оно крѣпко. Я говорю тебѣ правду. Тебѣ нечего бояться.

Агнеса Ростиславовна. Поклянись, Андре, что ты не обманываешь меня.

Городищевъ. Клянусь, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Благодарю тебя, Андре. Ты успокоилъ меня. Ахъ, я измучена этими волненіями. Мнѣ надобно отдохнуть (*ложится и закрываетъ глаза. Молчаніе*).

Городищевъ. Я думаю, Агнеса, что вѣрнѣе всего будетъ откровенно поговорить съ Клементьевымъ. Невозможно быть вполне увѣреннымъ, что уничтожены

¹⁾ Далѣе, послѣдніе 6 листовъ рукописи вдутъ съ отдѣльной нумераціею. На первомъ изъ этихъ листовъ, на поляхъ, вмѣстѣ слѣдующая помѣтка Н. Г. Чернышевскаго, обращенная вѣроятно къ одному изъ исполнителей ролей этой пьесы:

„Вотъ такъ-то всегда выходитъ у людей съ истинно великою душою: думалъ наградить васъ однимъ листкомъ, а награждаю цѣлыми шестью. Пойте же:

Радость наша велика,
Благотворная рука
Наградила насъ

(и прибавляйте прозою) выше заслугъ нашихъ—это выраженіе вы займете у Румянцева“.

всѣ документы. Кто жь можетъ знать, сколько ихъ было? Лучше, обезопасимъ себя. Онъ женится на Надѣ не для денегъ. Онъ не жаденъ. Онъ удовольствуется половиною твоего богатства, а у тебя столько, что намъ довольно будетъ и остальной половины. Надя добрая дѣвушка, тоже не жадная. И она согласится на то, что скажетъ онъ. Напишемъ актъ, по которому она уступаетъ тебѣ половину, — это будетъ и честно, и законно. Тогда мы съ тобою и вполнѣ безопасны, и всѣ назовутъ насъ благородными людьми. Какъ ты думаешь объ этомъ, Агнеса?

Агнеса Ростиславовна (*не открывая глазъ*) Я не понимаю этихъ словъ.

Городищевъ. Я говорю, Агнеса: призовемъ Клементьева, скажемъ ему все.

Агнеса Ростиславовна. Я не желаю продолжать этого разговора, я устала, Андрей Дементычъ.

Городищевъ. Но, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Прошу васъ не забиваться, Андрей Дементычъ. Помните, кто я, и кто вы. Я люблю васъ, но моя честь дороже всего для меня. Вы не можете унижить меня до того, чтобы я была вашею служанкою.

Городищевъ. Но...

Агнеса Ростиславовна (*приподымается и смотритъ на него*) Прошу васъ молчать, или идти вонъ. Я слабая женщина. Вы запугали меня. Но теперь я знаю, что мнѣ нечего бояться. Обманомъ вы, Андрей Дементычъ, выманили у меня обѣщаніе унижиться до брака съ вами. Но я беру свое слово назадъ, потому что было бы безчестно оставаться обманутою. Я могла бы, я была бы должна наказать васъ за обманъ, — удалить васъ отъ себя. Но я имѣю слабость любить васъ. Я забываю все, — прощаю вамъ все и забываю (*опускается и закрываетъ глаза*).

Городищевъ. Но...

Агнеса Ростиславовна. Я не стѣсняю васъ: можете собрать ваши вещи и уѣхать. Но я люблю васъ, и просила бы васъ остаться, если вы также любите меня (*молчаніе*). Вы уѣзжаете, или остаетесь?

Городищевъ (*молчитъ*).

Агнеса Ростиславовна. Вамъ не угодно отвѣчать? Вы уѣзжаете?

Городищевъ. Я остаюсь, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна. Я очень рада, потому что я люблю васъ. (*Возвращаясь къ своей нѣжности, томно*) Милый, поцалуйте меня (*не раскрывая глазъ, подставляетъ морду. Онъ прикладывается. Молчаніе*).

Агнеса Ростиславовна. Милый, позовите Надю.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, о чемъ вы хотите говорить съ нею?

Агнеса Ростиславовна. Я знаю, что дѣлаю, мой милый. Прошу васъ, позовите Надю. Также Румянцева. Этотъ Клементьевъ кажется мнѣ подозрительнъ. Вѣроятно, онъ проникнулъ и хочетъ воспользоваться.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, умоляю васъ...

Агнеса Ростиславовна (*строго*) Продолжайте. Вы умнѣ меня.

Городищевъ (*становится на колѣна*) Агнеса Ростиславовна, вы погубите себя. Вы заставите Клементьева...

Агнеса Ростиславовна. Я столько же боюсь вашего Клементьева, сколько нуждаюсь въ васъ. Идите изъ этой комнаты и — приведите Надю и Румянцева, или... можете не возвращаться. (*Закрываетъ глаза*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна... (*Она сжимаетъ губы*) Агнеса Ростиславовна...

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (*не раскрывая глазъ*) Я сказала.

Городищевъ (*стоитъ нѣсколько времени, вздыхаетъ и идетъ*).

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Я забыла. Прежде напишите бумагу, чтобы она подписала.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, это было бы напрасно. Для подобныхъ обстоятельствъ, нельзя написать такой бумаги, которая имѣла бы юридическую силу. Лучше откровенно отдайте ей все, и тогда навѣрное она подаритъ вамъ половину, даже больше.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (*молчитъ, не раскрывая глазъ*).

Городищевъ (*ждетъ. Садится. Пишетъ. Встаетъ. Идетъ съ бумагою къ Агнесѣ Ростиславовнѣ*) Не буду утомлять васъ лишними фразами, которыхъ требуетъ формалистика. Вотъ существенныя слова: „Передаю Агнесѣ Ростиславовнѣ Карелиной, урожденной Серпуховой, всякія права на наслѣдство отъ Серпуховыхъ, какое доставалось бы мнѣ“.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (*беретъ бумагу*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА (*закрываетъ глаза и легкимъ мановеньемъ указываетъ ему: иди. Онъ вздыхаетъ и идетъ*).

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Андрей Дементьичъ, я забыла самое главное. Гдѣ Клементьевъ? Надобно удалить его. (*Городищевъ уходитъ и возвращается съ Надею*).

ЯВЛЕНІЕ 31.

Агнеса Ростиславовна. Городищевъ, Надя, потомъ Румянцевъ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Надя, ты показала себя неблагодарной. Но я люблю тебя, и награжу. Андрей Дементьичъ, объясните ей мои мысли.

Городищевъ. Милая Наденька, ты любишь Платона Алексѣвича Клементьева, и колебалась идти за нею только потому, что не была увѣрена въ согласіи Агнесы Ростиславовны и не хотѣла покинуть ея службу. Можно примирить всѣ интересы. Они уже и примирены великодушіемъ Агнесы Ростиславовны. Она удерживаетъ тебя на пріятной и выгодной для тебя должности ея горничной и изъ любви къ тебѣ принимаетъ въ свою службу Платона Алексѣвича Клементьева, съ которымъ ты сейчасъ поѣдешь вѣнчаться. У тебя нѣтъ ничего и онъ бѣденъ. Агнеса Ростиславовна обезпечиваетъ судьбу вашу и вашихъ будущихъ дѣтей, давая тебѣ хорошее приданое.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Пять тысячъ (*приподымаетъ руку*).

НАДЯ (*цалуетъ руку ея*) Какъ я счастлива, что вы согласны, Агнеса Ростиславовна (*плачетъ*).

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Я люблю тебя, моя милая, и всегда буду награждать васъ съ мужемъ (*входитъ Румянцевъ*).

Городищевъ. Ты знаешь, милая Наденька, что передъ свадьбою женихъ и невѣста подписываютъ бумагу, въ которой объявляютъ, что согласны вѣнчаться и тому подобное. Мы черезъ пять минутъ ѣдемъ въ церковь. Подпиши. (*Кладетъ*

на столъ бумагу. Надя, утеревъ слезы, подписываетъ, цалуетъ руку Агнесы Ростиславовны, Агнеса Ростиславовна подставляетъ ей морду) АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Поцалуй меня, Надя (Надя цалуетъ).

ГОРОДИЩЕВЪ. Иди и молись Богу, я прійду за тобою ѣхать въ церковь. (Надя уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 32.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Румянцевъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Гдѣ же Клементьевъ?

РУМЯНЦЕВЪ. Тамъ за рѣчкою, въ избѣ, гдѣ живетъ Сидоръ Иванычъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Вы самъ видѣли?

РУМЯНЦЕВЪ. Самъ-съ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Что они дѣлаютъ?

РУМЯНЦЕВЪ. Говорятъ; должно быть, объ учености-съ.

АГНЕСА РОСТИСЛАВОВНА. Это далеко, не услышитъ.

ГОРОДИЩЕВЪ (подходитъ къ окну) Я буду смотрѣть. Увижу его, выйду и уведу. (Продолжаетъ стоять лицомъ къ окну) Я замѣчалъ, Румянцевъ, что Надя очень нравится вамъ.

РУМЯНЦЕВЪ. Нѣтъ-съ, Андрей Дементычъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Не можетъ быть!

РУМЯНЦЕВЪ. Ей Богу-съ, Андрей Дементычъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Врете.

РУМЯНЦЕВЪ. Разрази меня Господь Богъ на этомъ самомъ мѣстѣ, ежели вру.

ГОРОДИЩЕВЪ. Да если такъ, вы чортъ знаетъ что, а не мужчина.

РУМЯНЦЕВЪ. Противъ этого не смѣю спорить, Андрей Дементычъ, но только, вотъ какъ Богъ святъ, вы напрасно подозрѣваете меня, лопни мои глаза и утроба.

ГОРОДИЩЕВЪ. Но какъ же она можетъ не нравиться вамъ? У васъ есть глаза?

РУМЯНЦЕВЪ. Есть, Андрей Дементычъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Она очень хороша собою, — вы видите это, или нѣтъ?

РУМЯНЦЕВЪ. Нѣтъ-съ, я къ такимъ мыслямъ не причастенъ, Андрей Дементычъ, въ таръ-тарары провалиться мнѣ, если причастенъ, какъ передъ истиннымъ моимъ Богомъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Да какъ же это, чортъ васъ подери?

РУМЯНЦЕВЪ. Потому, Андрей Дементычъ, что я не поощряю себя къ этому, чтобы заниматься дѣвицами. Потому что дѣвица, вмѣсто удовольствія, можетъ отлупить меня по щечкамъ, — согласитесь, Андрей Дементычъ, какая же тутъ пріятность?

ГОРОДИЩЕВЪ. Не видывалъ такого дурака.

РУМЯНЦЕВЪ. Это какъ вамъ угодно, Андрей Дементычъ.

ГОРОДИЩЕВЪ. Вижу, не столкуешь съ вами добромъ. Вы должны жениться.

РУМЯНЦЕВЪ. Помилуйте, Андрей Дементычъ, за что же вы такъ поступаете со мною? Жена, это не въ примѣръ хуже даже дѣвицы. Дѣвица отшлепала по щечкамъ и прощай, по крайней мѣрѣ, а у жены я весь вѣкъ подъ руками, за что же такое наказаніе?

ГОРОДИЩЕВЪ. Не въ наказаніе вамъ дураку, а въ милость. Вы женитесь, — слышите?

Румянцевъ. Никогда-съ.

Городищевъ. Нынѣ же. Теперь же. Сейчас ѣдемъ въ церковь.

Румянцевъ. Помилуйте, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Нельзя, Румянцевъ. Такъ приказываетъ Агнеса Ростиславовна.

Понимаете?

Румянцевъ. Понимаю, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Идите, благодарите Агнесу Ростиславовну.

Румянцевъ (*прикладывается къ рукѣ*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна даетъ за невѣстою пять тысячъ рублей.

Вы должны быть благодаренъ.

Румянцевъ. Помилуйте, Андрей Дементьичъ, это даже выше моихъ заслугъ.

Городищевъ (*садится. Пишетъ. Даетъ Румянцеву*) Ступайте въ сарай, — тамъ запрягаютъ для васъ бѣговья дрожки. Какъ запрягутъ, — да помогите и самъ, чтобы поскорѣе, — какъ запрягутъ, валяйте во весь карьеръ въ Серпуховъ къ отцу Петру, — знаете?

Румянцевъ. Какъ же-съ, Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи попъ-съ.

Городищевъ. Отдайте ему эту записку, и онъ пойдетъ съ вами съ церковь. Я съ невѣстою приѣду черезъ четверть часа.

Румянцевъ. Очень хорошо-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 33

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ.

Агнеса Ростиславовна. Что вы написали, милый?

Городищевъ. Попу двѣсти рублей. Если и много, вы простите! Для его усердія, вѣрнѣе дать побольше.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ, не много, милый. Только надежный ли попъ?

Городищевъ. Помилуйте, Агнеса Ростиславовна, — за пятьдесятъ цѣлковыхъ готовъ на веревкѣ вести около наложу.

Агнеса Ростиславовна. Дайте шкатулку, милый. (*Городищевъ приноситъ шкатулку, она вынимаетъ ключикъ, отпираетъ*) Вотъ двѣстѣ рублей. (*Даетъ ему деньги, онъ беретъ*) А вотъ вамъ, милый, въ награду пятьсотъ (*опять даетъ*).

Городищевъ (*отклоняетъ руку*) Не нужно, Агнеса Ростиславовна. Послѣ, если вздумаете. Не такое время, чтобы думать о своей выгодѣ. Дай Богъ только, чтобы вышло все въ пользу, а не въ бѣду вамъ.

Агнеса Ростиславовна (*запираетъ, отдаетъ шкатулку. Онъ ставитъ на мѣсто*) Милый, поцалуйте меня (*онъ прикладывается*). Милый, зовите Надю. Ступайте съ нею. Поскорѣе.

Городищевъ. Надобно погодить минутъ пять, чтобы женихъ былъ уже въ церкви, когда приѣдемъ. Раньше увидить его — въ оградѣ или на крыльцѣ, онъ дуракъ сейчасъ ляпнетъ, что онъ женихъ, она заорчитъ. Дѣлать скандалъ на улицѣ — неловко.

Агнеса Ростиславовна. Правда, милый. Въ церкви лучше. Милый, поцалуйте меня.

Городищевъ (*прикладывается и идетъ смотреть въ окно*) Что это, Си-

дורך Иванычъ идетъ сюда, запыхался, — уже перешелъ рѣчку. Не было бы какой бѣды. Надя! Будьте готова. Сейчасъ ѣдемъ *(беретъ шляпу)*.

Надя *(за сценою)* Я готова, Андрей Дементычъ *(выходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 34.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Надя.

Агнеса Ростиславовна. Милая моя Надя, стань на колѣна. Я благословлю тебя.

Городищевъ *(беретъ Надю подъ руку)* Некогда, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна. Вы влишкомъ любите противорѣчить мнѣ во всемъ. Надя, сюда. Безъ этого нельзя, Андрей Дементычъ. Помогите мнѣ встать. *(Онъ помогаетъ ей встать. Надя становится на колѣна. Агнеса Ростиславовна подымаетъ руки)*. Будь доброю женою, какъ была и какъ останешься доброю служанкою. Благословляю... *(Въ это время за сценою голосъ Иннокентіева, отъ котораго раззъвается ротъ и вымупливаются глаза у Агнесы Ростиславовны)*.

Иннокентіевъ *(за сценою, кричитъ запыхавшись)* Вотъ подлець-то, Клементьевъ-то! Не хочеть жениться! Не родня, то и плевать на нее! Хорошо такъ безчестить дѣвушку?

(Надя съ слабымъ стономъ опускается головою на полъ. Городищевъ подбѣгаетъ отъ окна, у котораго слушалъ, подымаетъ ее и сажаетъ).

Агнеса Ростиславовна *(оставаясь съ руками распростертыми надъ пустымъ мѣстомъ и съ вымупленными глазами)* Милый, какъ же теперь повезете ее въ церковь?

Городищевъ *(усаливъ и продолжая поддерживать Надю)* Погодите, выслушаемъ, что такое. Кажется, теперь вамъ не будетъ и заботъ объ этомъ. Если Клементьевъ убѣдился, то вѣрно есть доказательства, что мы ошибались. Тогда убѣдитесь и она, что не родня вамъ.

Агнеса Ростиславовна *(постепенно опускавшая руки, но продолжая стоять)* Но какъ же это возможно, милый, когда мы знали?

Городищевъ. Знали, но, какъ видно, не все. Какъ возможно? Мало ли что бываетъ при подобныхъ неправильныхъ отношеніяхъ, когда дворяне связываются съ мѣщанками? Развѣ нельзя начать жить съ мужчиною, будучи уже беременною отъ другого? И развѣ не можетъ это быть доказано? Тогда и не его дочь.

(Въ это время входитъ Иннокентіевъ, но какъ ни велико его стремленіе высказаться, молчитъ и ждетъ, не смѣя перебить Городищева и потомъ Агнесу Ростиславовну).

Агнеса Ростиславовна *(возлегаетъ)* Милый, вы успокоили меня.

ЯВЛЕНІЕ 35.

Тѣже: Иннокентіевъ.

Городищевъ. Рассказывайте, Сидורך Иванычъ, что такое?

Иннокентіевъ. Я вамъ по порядку.

Городищевъ. Хоть и безъ порядка, только поскорѣ къ дѣлу.

Иннокентьевъ. Нѣтъ, такъ нельзя. Надобно все въ порядкѣ. Ходитъ онъ по саду. Я иду, вижу, онъ задумчивый. Подхожу. Что задумались?

Городищевъ. Да короче.

Иннокентьевъ. Какъ-же можно еще-то короче?—Что задумались? А вотъ, говорите, думаю, что ея мать не была его любовницею. Я: какъ такъ? Онъ: а до этого вамъ нѣтъ дѣла. Я: а если не была, тогда что? Онъ: что-хотите. Я: тогда она не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ. Онъ: ну, не родня, пожалуй. Я: тогда что? Онъ: тогда ничего. Я: какъ ничего? Онъ: такъ. Я: что жъ это значитъ, тогда вы и не женитесь. Онъ молчитъ. Я: не хорошо обезславить дѣвушку, — сдѣлали предложеніе, то и должны жениться. Онъ: отвяжитесь вы, пожалуйста, не мѣшайте мнѣ думать. Я вижу, дѣло плохо. Идите, говорю, я докажу вамъ. Помилуйте, какъ допустить обезславить дѣвушку изъ пустаго сомнѣнія?

Городищевъ. Пожалуйста короче, безъ размысленій. Какъ же вы думали доказать ему, что мать Нади была любовницею Всеволода Серпухова?

Иннокентьевъ. А вотъ какъ: когда ея мать жила у насъ, я иду мимо окна той комнаты, — ея мать въ окнѣ, бросаетъ мнѣ въ окно пакетикъ; я поднялъ, — бумага, обернута бумагою, — конверта, видно, не было, завязана ниточкою, — сургуча, видно, не было ..

Городищевъ. Короче, пожалуйста.

Иннокентьевъ. Хорошо. Поднялъ. Надпись карандашомъ: моему ребенку, — то есть, ея ребенку.

Городищевъ. Понятно, не вашему. И вы не показали отцу Агнесы Ростиславовны?

Иннокентьевъ. Значить, секретъ. Чужая тайна. Я не шпионъ, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. И не отдали Надѣ, когда она подросла?

Иннокентьевъ. Отецъ Агнесы Ростиславовны и потомъ Агнеса Ростиславовна желали по своему великодушію и деликат...

Городищевъ. Короче, прошу васъ.

Иннокентьевъ. Не желали, чтобы дѣвочка мучилась безчестіемъ своей матери, — я понималъ благородство этого, и не хотѣлъ позорить мать передъ дочерью.

Городищевъ. Да выходитъ не то, когда Надя не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Иннокентьевъ. Да что вы все перебиваете? Вы слушайте.

Городищевъ. Да это вѣрно, что она не родня?

Иннокентьевъ. Еще бы не вѣрно. Да вотъ и Клементьевъ, — спросите у него, когда мало вамъ моихъ словъ.

(Входитъ Клементьевъ, идетъ къ Надѣ, кладетъ передъ нею бумагу).

ЯВЛЕНІЕ 36.

Тѣже, Клементьевъ.

Надя *(взглянувъ)* Мать! Мать! *(Читаетъ, рыдая. Цалуетъ бумагу. Все время читаетъ и плачетъ).*

Городищевъ *(подходитъ)* Позвольте взглянуть.

Клементьевъ. Не мѣшайте. Послѣ, когда она прочтетъ.

Городищевъ *(Клементьеву)* Да правда, что не родня?

Клементьевъ. Сидоръ Иванычъ горитъ нетерпѣніемъ разсказывать. Слушайте же его.

Иннокентьевъ. Да чего тутъ! Ну, если я скажу что нибудь не такъ, онъ тутъ, поправитъ, чего жъ вамъ сомнѣваться въ моихъ словахъ? Не родня, сказано вамъ. Да вы слушайте по порядку. Привелъ его къ себѣ. Даю. Читайте, говорю; расудилъ: лучше ей знать нозоръ своей матери, нежези самой остаться обезславленной.

Городищевъ. Да вы до той поры не читали?

Иннокентьевъ. Чужая тайна. Я не подлець.

Городищевъ. И не давали Надѣ, — такъ зачѣмъ же вы не уничтожили?

Иннокентьевъ. Эхъ, все вы мѣшаете! Все это пришло бы по порядку, — потому что и онъ все это спрашивалъ, когда прочелъ. Зачѣмъ я не уничтожилъ! Я не вандалъ, жечь историческіе документы! Родъ Серпуховыхъ не что нибудь такое, чтобы потомство не стало интересоваться. Тутъ всякій лоскутокъ важенъ. Я ученый, знаю обязанности относительно потомства. Часто нужна тайна, документы и хранятся въ тайнѣ, чтобы узнало потомство. А то какъ же по вашему?

Городищевъ. Богъ съ вами и съ вашимъ потомствомъ, разсказывайте же. Прочелъ онъ, — а вы?

Иннокентьевъ. Прочелъ онъ, и заскрежеталъ зубами. А я: ну что, чья правда? А онъ: моя. А я: какъ, не родня? А онъ стиснулъ зубы. А я: такъ не родня? И неужели не женитесь?

Клементьевъ (*Надѣ*) Вы все еще не дочитали, Надежда Всеволодовна?

Надѣ. Не могу.... слезы... мѣшаютъ...

Клементьевъ. Правда. Позвольте же мнѣ взять прочесть для васъ.

Надѣ. Нѣтъ... сама...

Клементьевъ. Хорошо. А я пока разскажу вамъ, Агнеса Ростиславовна, съ какими мыслями пошелъ я отъ васъ, и ходилъ по саду. Любовница не могла искать пріюта въ домѣ родныхъ любовника. Вы старались, чтобы Надежда Всеволодовна не знала, кто ея отецъ. Дѣло казалось мнѣ ясно. Ясно мнѣ, — но что надобно дѣлать, чтобы доказать формально? Я понималъ, что документы уничтожены. Одно средство: искать свидѣтелей. Я старался припомнить, откуда родомъ была мать Надежды Всеволодовны? Казалось мнѣ, слышалъ, что изъ Путивля. То городъ небольшой, всѣ знаютъ всѣхъ; должны оставаться свидѣтели.

Агнеса Ростиславовна (*слабо*) А-ахъ (*умираетъ*).

Клементьевъ. Напрасно пугаетесь прежде времени. Сидоръ Иванычъ долженъ успокоить васъ.

Агнеса Ростиславовна (*воскресая*) Я видѣла, что вы низкій человекъ. Идите вонъ. Милая Надѣ, я защищу и утѣшу тебя.

Клементьевъ. Идти вонъ? Очень пріятно. Пойдемъ Надѣ. Если бы меньше зналъ тебя, спросилъ бы прежде, какъ ты думаешь о волѣ твоего отца, — но нечего спрашивать. Знаю, что ты скажешь. Пойдемъ же. (*Подымаетъ ее за руку*).

Надѣ. О волѣ моего отца? О какой волѣ?

Клементьевъ. Ты все еще не могла прочесть до конца? Такъ выслушай. Кстати и для нихъ будетъ любопытно (*беретъ бумагу и читаетъ*).

„Твой отецъ говорилъ мнѣ, умирая: остерегайся ихъ. Но пріѣхалъ его

дядя,—увезь меня. Я была какъ сонная, какъ летаргичная, это было въ день похоронъ твоего отца. Теперь я здорова. Но злодѣй, который привезъ меня сюда, и его жена держать меня подъ карауломъ въ дальней комнатѣ и называютъ больною, чтобы я никого не видѣла, никому не могла сказать, что я законная жена твоего отца. Что они хотятъ сдѣлать со мною? Это ясно. Если я не умру отъ родовъ, они отравятъ меня, какъ отравили твоего дѣда, когда привезли меня сюда, или уморятъ голодомъ. Пошадятъ ли они тебя? Быть можетъ. Она все таки менѣ звѣрь, нежели онъ. Быть можетъ она уговоритъ его пошадить тебя. Если она сбережетъ твою жизнь, прощаю ей участіе въ моей смерти.

Кто будешь ты у меня? Сынъ или дочь? Дадутъ ли они мнѣ пожить послѣ родовъ хоть столько, чтобы взглянуть на тебя?

Дожить до родовъ они дадутъ мнѣ. Смерть послѣ родовъ—это такъ обыкновенно, не возбуждаетъ подозрѣній.

Твой отецъ былъ честный человекъ. Ты исполнишь его волю. Онъ говорилъ: богатство, которое приобрѣлъ его отецъ, приобрѣтено дурно. Онъ думалъ раздать его бѣднымъ. Умирая, онъ просилъ меня, чтобы я внушала тебѣ сдѣлать такъ.

Документы о моемъ бракѣ съ твоимъ отцомъ истреблены все, какіе были при мнѣ. Можетъ быть, уцѣлѣютъ какіе нибудь другіе, гдѣ нибудь въ архивахъ—когда ты будешь въ лѣтахъ заняться этимъ, ты справишься, гдѣ служилъ твой отецъ и поищешь. Но если и вездѣ все истреблено, законность твоего права останется неоспорима. Наша свадьба была въ Путивлѣ. Церковь была полна народу, и все знали, кто женихъ и кто невѣста. И черезъ двадцать, и черезъ двадцать пять лѣтъ еще останутся десятки свидѣтелей. Прости, дитя мое. О, какъ бы мнѣ хотѣлось дожить до того, чтобы хоть разъ поцаловать тебя! Ксенія Серпухова“.

(Молчаніе).

Надя (*отирая слезы*) Если бы я не знала, что это воля отца и желаніе матери, я не могла бы взять себѣ этого богатства,—куда я гожусь въ богатыя дамы? А когда будемъ жить только своимъ трудомъ, и я буду не хуже тѣхъ, съ кѣмъ можетъ имѣть знакомство небогатая женщина.

Клементьевъ. Вы видите, Агнеса Ростиславовна, почему Наденька не можетъ уступить вамъ своего наслѣдства. Будете ли вести процессъ, или согласитесь признать ея права—это какъ вы сами разсудите. Я не могу давать совѣтовъ.—Пойдемъ, Наденька. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 37.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Иннокентіевъ.

Агнеса Ростиславовна (*оживая*) Вы виноваты, Андрей Дементычъ. Я говорила вамъ, везите поскорѣе въ церковь.

Городищевъ. Она не стала бы вѣнчаться съ Румянцевымъ и ушла бы вѣнчаться съ Клементьевымъ. Я виноваты только тѣмъ, что льстилъ вамъ и исполнялъ ваши прихоти.

Агнеса Ростиславовна, А вы, старый дуракъ, зачѣмъ вы берегли такую гадкую бумагу?

Иннокентіевъ. Я... я...

Городищевъ. И безъ этой бумаги вышло бы то же, развѣ нѣсколькими недѣлями позже. У него на умѣ уже было все это, даже и Путивль. Если можно было

чѣмъ нибудь предотвратить полное раззореніе, то лишь любовною сдѣлкой, какъ я вамъ совѣтовалъ. То былъ бы юридическій актъ, и имъ нельзя было бы отнять у васъ долю, какая уступлена вамъ законнымъ образомъ.

Агнеса Ростиславовна. Ахъ! *(умираетъ)*.

Городищевъ. Напоминаю объ этомъ въ упрекъ не вамъ, а себѣ самому. За чѣмъ я не былъ настойчивѣе, за чѣмъ я льстилъ и угождалъ вамъ?

Агнеса Ростиславовна *(оживая)* Вздоръ! Она подписала бумагу, имѣніе мое.

Городищевъ. Та бумага только повела бы насъ подъ уголовный судъ — за плутовство. Надо поскорѣе уничтожить ее. Гдѣ она? *(беретъ и рветъ)*.

Агнеса Ростиславовна. Не уступлю! Пусть ведутъ процессъ!

Городищевъ. Она выиграетъ. И вамъ будетъ плохо: раскроется, что вы знали о незаконности своего владѣнія имѣньемъ, и молчали, и много тутъ найдется продѣлокъ, за которыя попадете вы подъ уголовный судъ. Вы дурно обращались со мною. Но я привыкъ любить васъ, — или по крайней мѣрѣ, я долго былъ вашимъ любовникомъ или слугою, какъ вамъ угодно назвать это, — и было бы безчестно покинуть васъ въ бѣдѣ. Иду догнать ихъ, — они пошли пѣшкомъ, успѣю.

Агнеса Ростиславовна. Не смѣйте.

Городищевъ. Извините, такъ должно. Чтобы не было расходовъ на процессъ, они согласятся дать вамъ довольно порядочную пенсію *(уходитъ)*.

Агнеса Ростиславовна. Ахъ! *(умираетъ. Но въ тотъ же мигъ вскакиваетъ и летитъ во всю лопатки, съ крикомъ во всю лотку)* Надя! Не хочу процесса! Будь великодушна! Вспомни, что я всегда любила тебя!

КОНЕЦЪ ПАСТОРАЛИ.
